

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(1): 100-129

DOI: 10.13187/rs.2018.1.100
www.ejournal15.com

Love in War. Women and Men in the Red Army (on Pages of Letters and Diaries of Soviet Jews of 1941–1945). Part 2

Leonid L. Smilovitsky ^{a, *}

^a The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University, Israel

Abstract

The article is devoted to the little studied theme of the role of female servicemen in the Red Army of the war and their position in the men's team. Of the 800,000 women in the Soviet Union who participated in the war, most of them not only replaced the male soldiers who went to the front line, but also took part in the fighting. The author tries to explain how women, who by nature should give birth, educate, teach, save, but not kill, were able to become soldiers as required in the war. Women shared all the hardships of the front-line situation and bore the burden of war on a par with men. They died from bullets, shells and bombs, burned in airplanes, were wounded and became crippled without arms and legs. Some of them, having withstood all the trials, lost the gift of motherhood and could not create families. The author comes to the conclusion that the greatest merit of women in the army during the war years was that by their presence they allowed men to feel their own strength, to be courageous, to do their duty, to fight and win. This study is based on WW2 correspondence, letters and diaries of Soviet Jews who served in the Red Army, which were recently collected in the archives of the Diaspora Research Center at Tel Aviv University (2012–2017) and now, for the first time, are used for academic purposes.

Keywords: WW2 correspondence, military field post, Great Patriotic War, Jews in the Red Army, men and women in war, love and war, women's contribution to the defeat of Nazi Germany, patriotism, women's honor, romantic correspondence, jealousy, betrayal, adultery.

1. Введение

Настоящая статья является продолжением разговора о судьбе женщин и мужчин на войне, как военнослужащих Красной армии в 1941–1945 гг., начатой в предыдущем номере журнала (Smilovitsky 2017: 173–185).

В военное время взаимное притяжение полов, заложенное природой, не только не утратило свою силу, но и приобрело новое звучание. Экстремальные условия, в которые были поставлены тысячи мужчин и женщин, надевших военную форму и отправившихся на защиту своей родины, симпатии и антипатии, которые питали друг к другу представители противоположного пола, приобрели особую остроту.

С одной стороны, близость смерти обостряла жажду жизни, а с другой – мера ответственности, которая ложилась на плечи молодых людей, не свободных от сексуального влечения. Вместе с тем армейские рамки, требования воинской дисциплины, накладывали большие ограничения, а зависимое положение женщины-солдата от своих командиров-

* Corresponding author
 E-mail addresses: smilov@zahav.net.il (L.L. Smilovitsky)

мужчин составляло большой контраст с опытом гражданской жизни. Письма и дневники дают богатую пищу для размышления, сопоставлений, анализа и выводов по теме, которая продолжает волновать даже спустя семь десятилетий после Победы. Такие понятия, как женская честь, романтические отношения, супружеская верность, измена и ревность доказывают, что мужчины и женщины в любых условиях не меняли своей природы. Автор делает попытку выяснить соотношение сексуальных и профессиональных сторон во взаимоотношении полов военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны.

2. Материалы и методы

Статья написана, в основном, на материалах коллекции военных писем и дневников, которые были собраны в рамках проекта «Невостребованная память» в Центре диаспоры им. Гольдштейн-Горена при Тель-Авивском университете в последнее время (2012–2017) и впервые вводятся в научный оборот (Smilovitsky, 2014). Работа по поиску и систематизации писем военного времени, как одного из наиболее достоверных видов источников, носит срочный характер. На наших глазах уходят последние поколения свидетелей и участников войны, которые способны прокомментировать сохранившиеся письма, фотографии и личные документы (наградные листы, грамоты, характеристики, похоронные сообщения и пр.). Их анализ и обобщение послужит более полному описанию картины событий сороковых годов. Речь идет о включении в научный оборот целого пласта народной памяти, как бесценного наследия для будущих поколений историков и всех, кто проявит интерес к событиям Второй мировой войны.

3. Обсуждение и результаты

Женская честь. Можно ли было в годы войны устроить «плотину» на пути чувств, переполнявших мужчин и женщин, и потребности молодых людей удовлетворить физическое влечение к противоположному полу? Смерть не выбирала между женатыми и холостыми, мужчинами или женщинами, не целованными юношами или девушками, пришедшими в армию со школьной скамьи. Вчерашние дети 17–18 лет впервые оторвались от семьи и должны были войти во взрослую жизнь. При этом в вопросах полового воспитания они оказались предоставлены самим себе. Гормоны, переполнявшие, как мужской, так и женский молодой организм, требовали выхода. А могло ли быть по-другому? Какие существовали сдерживающие факторы? Что могло регулировать поведение к противоположному полу? Воспитание в школе и семье, подчинение прописным истинам, книги, общественная мораль, не принимавшая гражданские браки, опыт, почерпнутый с «улицы»? Пуританские нормы нравственности советской страны, требование думать сначала о родине, потом о себе. Лозунги «отдавать всего себя до последней капли крови», «не жалеть самой жизни» делу победы над врагом не оставляли места для решения такого «незаконного» вопроса, как удовлетворение половой потребности в годы войны.

Не существует статистики, которая бы позволяла установить соотношение между временными связями и романтическими отношениями, возникавшими во время службы в армии. Преданность найденной подруге, жертвенность, искренность отношений, стремление сберечь родившееся чувство и донести его до конца войны – для рядового солдата, жизнь которого в армии ему самому не принадлежала, все это было чрезвычайно трудной задачей. Невозможность уединиться, видеть по желанию предмет своего воздыхания, частая перемена места дислокации воинского подразделения, близость смерти, неизвестность будущего, даже самого ближайшего, все это обрекало военного человека на неразделенную любовь. Поэтому, когда вопреки обстоятельствам возникала возможность проявить свои чувства, многих ничего не останавливало. Война ускоряла отношения мужчины и женщины, которые понимали, что каждый прожитый день может оказаться последним.

«Все зависит от самой девушки, от ее взглядов, от ее воли. Я знаю, что никто ко мне не подойдет так, как подходят к иным. Пишу с полной откровенностью – без настоящей любви не допущу даже пустяка»¹, – писала И.Л. Фруг Е.О. Маневич весной 1943 г. (Письмо Фруг,

¹ Фрагменты писем здесь и далее приводятся в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации.

14.04.1943). Позже она сообщала: «Я знаю, что мужчины говорят о девчатах-солдатах, и на гражданке – особенно. Будь за меня совершенно спокойна. Я – та же, что и была, полная противоположность другим. Я ни с кем не встречаюсь, т.к. никого пока не люблю, хотя это “не люблю” не мешает остальным девушкам выходить замуж и ехать беременными домой. Без любви мне ничего не надо. Друга встретить очень трудно. Мне нужен такой, чтобы я его любила вся, чтобы все мое было его. Это трудно. Любить могу сильно. В сердце этой любви много, большой, неизрасходованной» (Письмо Фруг, 21.08.1944). В самом конце войны: «Есть девушки, которые живут с офицерами, с шоферами, они имеют все. Ну, а я, сама знаешь, так пусть уж посылка будет бедной. Верно?» (Письмо Фруг, 15.03.1945).

Приведем еще несколько цитат из писем других девушек: «Отвратительный “ларчик” открывается любой отмычкой – подлости, гадости, а может быть, чем-нибудь хуже. Некоторые начальники думали, что когда я познакомлюсь ближе, я буду с ними в более коротких отношениях. И после их разочарования последовало снятие меня с работы. И еще одна причина – это что здесь не любят эвакуированных, да еще евреев» (Письмо Лукашевской, 8.03.1944). «В маленькой палатке – там лежат тяжелые раненые – на днях шел жестокий спор: замужем я или нет, а если нет – то как могли такую девушку проглядеть, и надо сообща найти ей жениха, обязательно особенно хорошего... Чудики мои!», – писала Л.С. Левитан (Письмо Л. Левитан Б. Левитан, 14.04.1944). «Если ты сможешь уберечь свою честь, то из тебя выйдет толк. Действительно, посмотришь на окружающих, и делается жутко, все опустилось, считают, все равно война, а такие понятия как честь, верность, долг произносятся только с отрицательным оттенком. Но нет, не все. Знаю, что и при красоте, и при всех вольностях держат себя очень гордо и чисто. Наша же компания, наша четверка – вообще живет по-особому. Когда кругом в комнатах шум, пьянка, галдеж, у нас тихие философские разговоры и мечты о настоящем, большом счастье, а не о “эрзац-любви”» (Письмо Л. Левитан С. Левитану, 16.04.1945).

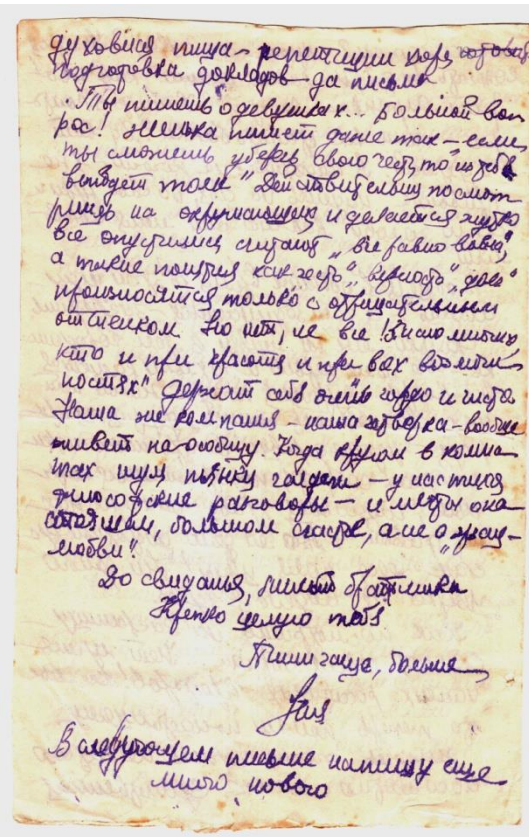
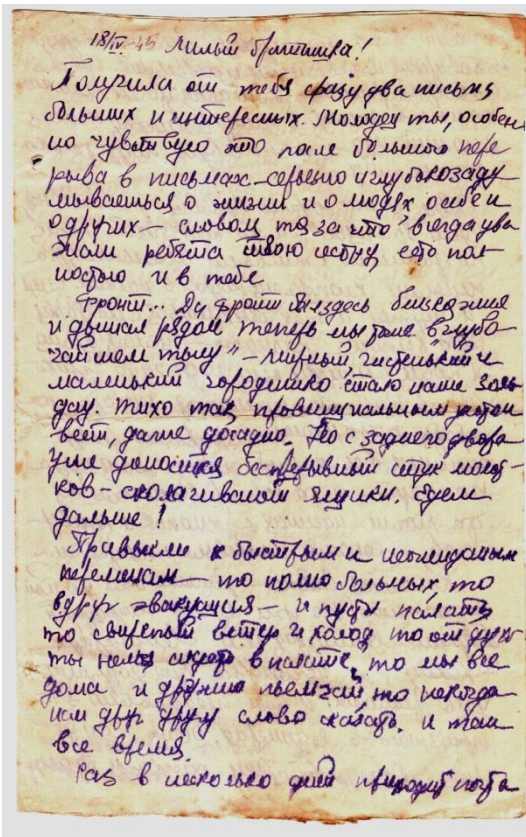

Рис. 1–2. Письмо Л.С. Левитан С.З. Левитану, 16 апреля 1945 г. (Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете)

А вот что об этом писали мужчины: «Девушки, работающие у нас, не стесняясь, открывают свои тайны и просят совета. Вчера, беседуя с одной девушкой по поводу ее поведения, я довел до слез, хотя ни разу не сказал грубого слова. Я говорил о том, как хороша жизнь, о том, что после войны жизнь будет еще прекрасней, о том, что ей 19 лет и т.п. Она заплакала, обещала исправиться, в ее глазах я прочел благодарность и... больше ничего. Она не видела, что я мужчина, и с интересом смотрю на ее красивое лицо потому, что ей 19, а мне 36» (Письмо Абрамовича, 3.09.1944).

Внешний вид. Внешний вид, обмундирование, обувь и нательное белье имели разный вес в глазах мужчины и женщины на войне. Мужчина смотрел на все это в целом, абстрактно, а женщина – конкретно. Женщина уделяла внешнему виду определяющую роль. Природа женщины требовала обращать на себя внимание, нравиться. В противном случае она не чувствовала себя востребованной, а значит не могла заставить с собой считаться, теряла влияние на окружающих.

Можно предположить, что, отправляясь в армию, девушки и молодые женщины меньше всего представляли, что столкнутся с такой стороной войны. Не только ходить в атаку и кричать «ура», переносить на себе и спасать раненых, но и постоянно оставаться в мужском окружении, сохранить свою честь. В письмах с войны женщины меньше писали о боевых операциях и рейдах, трудностях переходов и марш-бросках, физическом напряжении, потерях – всем том, чему мужчины в письмах уделяли так много внимания. Женщины-солдатки писали больше о том, как они решали «нерешаемые» вопросы сохранения и поддержания женской привлекательности. При этом женщины продолжали оставаться такими же смертными, как мужчины. Они одинаково мокли от дождя и мерзли от стужи, страдали от жары, испытывали такой же голод, страдали от неустроенного быта, приспособленных условий походной жизни. И все это под пристальным взором сотен голодных мужских глаз.

Природа женщины, ее внутренний мир были тесно связаны с внешним обликом. И в этом заключалась существенная разница по сравнению с мужчиной. Мужчина-солдат относился к обмундированию как к одежде, а женщина как к наряду. Мужчина воспринимал женщину целиком как образ. Фигура, прическа, волосы, одежда, лицо, глаза, ресницы в его представлении сливались воедино. Тогда как женщина через отдельные детали своего облика добивалась поставленной цели – обратить на себя внимание и утвердиться в мужском обществе, а если потребуется, увлечь кого-то.

Отношение к вещам у женщины в армии и, тем более, на войне делилось на две части. Вещи в ее глазах играли не только функциональную роль. Они помогали создать или дополнить внешний образ девушки-солдата (гимнастерка, юбка, брюки, шинель, ремень, головной убор, обувь). Все это должно было быть не только удобным, но и изящным. В письмах домой внешнему виду и «гардеробу» уделялось много внимания. Обновка для женщины в армии означала очень многое. Устав требовал от нее быть одетой одинаково казенно, по-мужски. Отклонению от формы одежды, не говоря уже о фантазии, места не оставляли.

В глазах мужчины в обмундировании, наоборот, решающую роль имела функциональная сторона. Одежда должна была быть удобной, предохранять от жары или холода, не мешать двигаться, быть прочной и долговечной. Внешняя привлекательность отодвигалась на второй план. Добротная шинель и теплые подшитые валенки у мужчины-солдата имели гораздо большее значение, чем приталенная юбка, подобранная в цвет ей гимнастерка. Украшения и косметика не предусматривались уставом. Однако женщины использовали разные ухищрения, чтобы привести себя в порядок, выделиться из окружающей среды. Парикмахерские, прически, завивки, маникюр остались как воспоминания из прошлой гражданской жизни. Этим могли воспользоваться женщины в тылу, но не на фронте.

Из писем мы узнаем, что вниманием к собственной внешности женщина старалась подчеркнуть верность избранному мужчине. Но только опытные мужчины откликались на это. Большинство мужской половины смотрело на все усилия женщин по сохранению внешней привлекательности на войне как на баловство, преувеличенные заботы к несущественной стороне дела, и даже как на шаги, которые могут привлечь внимание других мужчин в их отсутствие. По-своему это было закономерно, если принять во

внимание, что природа предназначила мужчине и женщине совершенно разные роли в жизни. Это неизбежно влияло на логику восприятия внешнего облика партнера. Физиология женщины требовала иметь юбку, а не брюки, легкую и удобную обувь, а не тяжелые и прочные солдатские ботинки с обмотками или сапоги с портянками. Дочки-солдатки могли обсуждать предметы нижнего белья и бюстгальтеры только с матерями, старшими сестрами или подругами. Эти важные детали дамского туалета, которые казались несущественными в глазах военнослужащих-мужчин, отравляли существование женщины в армии. Закономерно, что подобные подробности оставались вне мужского ведения, поскольку могло нарушить мир женщины. Сохранение привлекательности и обаятельности в условиях армии требовало постоянных немалых усилий. Женщины-военнослужащие, несмотря ни на что, с этим справлялись, не останавливаясь перед затратами времени и сил, доступных им скромных средств. Это был их «фронт», ежедневный «бой», который они вели за соблюдение собственного достоинства.

Посмотрим, как это нашло отражение в письмах: «Дорогая мамочка! Как можно скорее пришли мне белье и все остальное. Безразлично, глаженое или нет. Три дня назад была в бане и одела на себя грязное. Вторую неделю хожу без рубашки и без чулок. Вместо них – гетры и носки. Синее платье воняет от грязи. Немедленно вышли. Непременно и как можно скорее» (Письмо Фруг, 1941). «Живем неплохо. Главное, не думаем о куске хлеба, всегда сыты. Сейчас едим много помидор, а недавно в одном селе, где мы стояли, уничтожили массу арбузов. Я все такая же худющая, но кажусь полнее, чем была, потому что коротко остриглась. Мне надоело возиться с длинными волосами, а теперь я мою голову и в речке, и где попало. Получается неплохо» (Письмо Куфаевой, 3.09.1942).

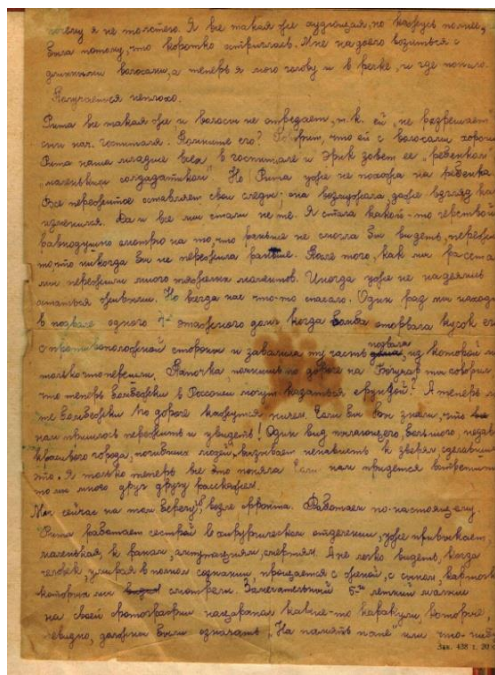
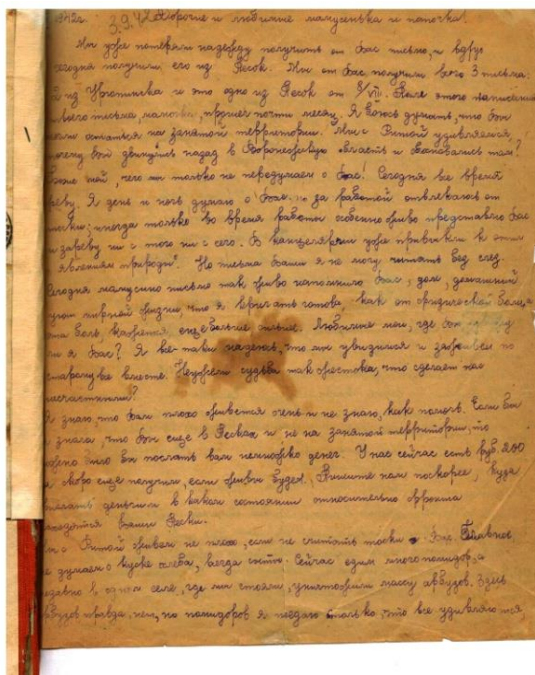

Рис. 3–4. Письмо В. Куфаевой родителям, 3 сентября 1942 г. // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«Вещи свои, наверное, пошлю обратно, постараюсь только что-нибудь сменять на шерстяные носки. Когда приеду, вышли мне посылку, и туда положишь носки, бумагу, ниток, лифчик. Это просто необходимо мне – я не знаю, что и делать с одним только. Варежки я обшила. Одна девочка дала мне чулки» (Письмо Фруг, 3.12.1942). «Если будет хотя бы немного одеколора, то пришли и зубной порошок. Я сейчас растолкла уголь и процедила его, буду чистить зубы» (Письмо Фруг, 1.01.1943).

«Да и одеты мы сейчас тепло. Рита теперь носит под шинелью вместо юбки ватные брюки, остриглась под мальчишку – получился хорошенький хлопчик. На днях я получила

теплые кальсоны, теплую рубашку, шерстяные носки, бюстгальтер, женскую рубашку, свои большие валенки обменяла на новые маленькие-игрушки, как раз по ноге. Рита получила маленькие женские сапожки, я тоже получу. В общем, столько вещей имеем, что тяжело возить. Одних бюстгальтеров у меня 4. Если бы все, что у нас есть, можно было бы отдать вам» (Письмо Куфаевой, 19.01.1943). «Начальник подарил нам с Ритой полпарашюта шелкового, из которого вышло бы три платья и еще кое-что. Это очень хороший шелк стального, зеленоватого цвета, но кое-где едва отличающиеся от основного фона пятна, как на всех маскировочных вещах. Мы с Ритой сами не сумеем выбрать так, чтоб получились одноцветные платья, да и сшить не сумеем, как следует, а портить такую вещь не хочется. Кроме того, есть немецкие шинели тонкого зеленого сукна на 1–2 юбки. На днях я получила новую шинель» (Письмо Куфаевой, 5.04.1943).

Выглядеть, как мужчина на войне для женщин не считалось зазорным. Это часто избавляло их от излишнего мужского внимания, которое, порой, становилось назойливым. Одновременно это позволяло девушкам-солдатам как будто наблюдать ситуацию со стороны, избавляло от ненужных разговоров и необходимости постоянно следить за тем, чтобы не подвергнуться необоснованным претензиям мужского пола (однополчан и начальников). С другой стороны, мужская одежда военного образца воспринималась, как признак мужества, стойкости, храбрости, выносливости, уживчивости и приспособляемости к военной обстановке и условиям быта на фронте. Выглядеть под мальчика означало, что на девушку-солдата переставали смотреть как на существо слабое, зависимое, нуждающееся в опеке. В то же время, пользуясь преимуществами, которые давала мужское платье, женщина сама решала, когда «выйти из тени» и включить чары, дарованные ей природой и просить о помощи, защите, опеке. Мужское обмундирование по-своему уравнивало в правах, позволяло женщинам-военнослужащим не выделяться из общей среды, что при известных обстоятельствах предоставляло дополнительный шанс выжить на войне.

«Меня здесь никто не считает девушкой. Кто видит первый раз, то уж непременно говорит: парень, тем более что зимой ходила в ватных брюках» (Письмо Фруг, 28.03.1943).

Рис. 5–6. Письмо И.Л. Фруг Е.О. Маневич, 28 марта 1943 г. // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«Ходила в ужасных больших сапогах или в ботинках. Теперь выдали новые женские сапожки. Уже почти сдали зимнее обмундирование, получили летнее. Выдали трико, чулки, пилютки и новые гимнастерки (со стоячим воротничком, с погонами, без карманов). Пилютка мне очень идет, но только совсем как парень. Самое главное вот что – я с ума сошла, когда отослала тебе в посылке черную юбку с карманами. Если бы ты знала, что я наделала! С отъезда в армию в этом смысле только об этом очень и жалею. Умоляю, если еще не поздно, то вышли две юбки, они нужнее всего, и белой материи на воротнички. Мамуля, главное – это юбки! <...> Я загорела. У нас разрешено девушкам отращивать волосы, и все за это с радостью взялись, только Клава и я стрижемся. Так привыкла к этой

прическе! Дома, наверное, так и буду ходить. Стала крепкой, здоровой. Просто удивляюсь, как раньше у меня болела голова на каждом шагу. Здесь этого вообще ни разу не было, физически чувствую себя превосходно» (Письмо Фруг, 23.04.1943).

«Скоро осень, а там и зима. Опять ватные брюки и фуфайки стеганые, опять мы будем, как медвежата: все одинаковые, маленькие, круглые, а я опять совсем как парень» (Письмо Фруг, 11.08.1943). «Все же хочется прилично одеться. Достала серый каракуль, и мне сшили замечательную кубаночку. Научилась кроить и шить бюстгальтера. Необычно красивый бюст в них, т[ак] ч[то] всем девчатам крою» (Письмо Фруг, 26.06.1944).

Внешний вид женщины, сохранение привлекательности ее образа были одинаково важны не только для фронтовичек, но жен и подруг солдат и командиров Красной армии, писавших своим близким и любимым из районов эвакуации и советского тыла. Быт эвакуации, серость будней, однообразие жизни, физическое и душевное напряжение, состояние неизвестности о судьбе близких на фронте не могли отвлечь женщин от заботы о своем внешнем виде. Для этого они отказывали себе в самом необходимом, включая питание. Упоминания в письмах на фронт о предметах женского туалета, нательном белье, ставших такой редкостью в годы войны, были не случайными. При этом все упоминавшиеся наряды и обновки должны были подчеркнуть верность оставленных дома подруг, подчеркивалось, что все это не станет предметом внимания посторонних мужчин. Женщины верили, что упоминание в письмах об их внешности придаст силы любимым на фронте, напомнит о дорогих минутах близости, позволит дождаться желанной встречи.

«Я продала все до мелочей. Сохранила только туфли. Да, могу тебя обрадовать, Рут имеет уже пальто, и очень симпатичное: черное, широкое, английское, с горностаевым белым воротничком и белой кубанкой. Ей очень идет. Если будут деньги, она в нем сфотографируется специально для тебя. Есть надежда, что и я скоро получу пальто. А вообще – тоска, и больше всего по тебе, мой милый, любимый. Ты такой мой неотъемлемый. Все мои воспоминания связаны с тобой» (Письмо Н. Эпштейн, 14.12.1943).

«В шкафу есть у меня несколько красивых вещей. Лялька подарила очень красивую теплую кофточку, лежат туфельки и шелковые трусики, которые я никогда без тебя не надела. Так что приедешь, и я наряжусь, красиво буду выглядеть, чтоб тебе приятно было ходить со мной по улице. Я помню, ты когда-то говорил, что хотел иметь такую жену, которой ты бы гордился, чтобы я занималась физкультурой, следила за собой, была к твоему приезду крепкой и красивой. Что ж, надо стараться быть такой женой» (Письмо Э. Канцедикас, 6.05.1945).

Косметика. Упоминание о косметике в письмах и дневниках, написанных в годы войны, может показаться неуместным. Однако на самом деле это было вполне естественно. Забота о своей внешности подчеркивала, что женщина при любых обстоятельствах оставалась сама собой, а человеческие чувства не могут замереть даже в самых неудобных обстоятельствах. Стремление нравиться, любить и быть любимой является неотъемлемой частью женской природы. Отношение к косметике было разным. Одни ее приветствовали, а другие сохраняли равнодушие. Скромность и аскетизм советского образа жизни осуждали косметику. Советская мораль, основанная на ограничении индивидуальных потребностей, требовала скромности и послушания, подчинения личных интересов общественным. Считалось, что содержание важнее формы, поэтому внутренний мир человека важнее внешности, отсюда косметика – это излишество.

«Теперь о “некоторых переменах” в твоей внешности. Я знаю причины, почему ты начала красить губы. Я люблю Гиту, как бы она ни выглядела, красивой или нет. Я люблю в ней не ее лицо, прическу или фигурку, я люблю не ее внешность, а люблю я Гиту, как таковую, как человека, как лучшего друга, как дорогую жену. Когда мы встретимся, то я сниму краску с твоих губок своими поцелуями, и это будет моим тебе наказанием за твое обывательское поведение. Трепещи!» (Письмо Бейлина, 16.01.1942).

«С чего же это начать? Ну, хотя бы с накрашенных губ Галины. Не видел я и не предполагал, чтобы она красилась, да еще и особой жидкой помадой. Может быть это поэтому, чтобы на Пасху не дать возможности христосоваться, я ведь ее заранее

предупредил, что это не будет преградой, какой-нибудь линией Маннергейма¹, которую не преодолеешь. В общем, скоро и у меня губы стали крашенными» (*Дневник Лютых, 5.04.1942*).

Отцы, воевавшие в Красной армии, годами не видевшие своих дочерей, которые выросли и превращались из детей в подростков, а потом и девушек, были озабочены тем, что не могли повлиять на их духовное становление. Поэтому разговор о косметике они воспринимали, как опасное излишество, способное увлечь в ненужную сторону. «Ты пишешь, что Рут [дочь – Л.С.] делает себе маникюр в парикмахерской, и не знаешь, хорошо это или плохо? Сказать тебе по правде – в 15 лет прибегать к методам омолаживания смешно. Чего доброго, начнет брови подбрасывать или губы подмазывать. Я думаю, что и в более старшем возрасте это ни к чему. Можно быть живым, привлекательным и без этого. Вся красота и привлекательность девушки все же не в этом, а направленность мыслей в эту сторону чаще всего от бездеятельности» (*Письмо Я. Эпштейна, 31.05.1943*).

Игра в любовь. Флирт на войне нельзя было запретить. Временная связь на войне чаще всего понималась партнерами как отношения по обоюдному согласию, без продолжения. Отношения между мужчинами и женщинами возникали часто помимо их желания. Окружающим это могло не нравиться, вызывать осуждение, ревность, будить зависть. На фронте всегда было мало одиноких женщин, но зато много мужчин. Любая девушка или женщина под пристальным мужским вниманием чувствовала себя настоящей красавицей. При этом были не только ухаживания, но и романы, вспыхивали большие и настоящие чувства.

«В силу условий войны многие “развлекаются” как умеют, используя любой подвернувшийся случай» (*Письмо Ваила, 26.04.1942*). «В жизни часто можно наблюдать не любовь, а игру в любовь, где причиной любви является красивая внешность, веселый нрав, хороший товарищеский характер, или просто ради материального благополучия, или просто ради удовлетворения плоти» (*Письмо Бейлина, 24.06.1943*). Некоторые офицеры умудряются в каждой деревне жениться, но у меня таких способностей нет, да и невест подходящих не нахожу» (*Письмо Поляка, 7.11.1943*).

Большинство солдат были молодыми людьми, призванными в Красную армию со школьной скамьи. Они не были искушенными в вопросах взаимоотношений полов, а популярная литература в предвоенном СССР о сексуальном воспитании отсутствовала. Действовать приходилось по наитию. Первое чувство могло оказаться очень сильным, а отношения воспринимались как чистые и незамутненные. В то же время открытое ухаживание, проявление симпатии к противоположному полу было сопряжено с большими трудностями. Нельзя было обнять, взять за руку, немислимо было прилюдно целоваться. Если воинская часть стояла близко к железнодорожной станции или вокзалу, то влюбленные приходили к любому поезду – все прощаются и целуются, значит, можно. При этом фронтовая обстановка не оставляла времени для размышлений. Тем сильнее оказывалось разочарование, когда сослуживцы из старших товарищей форсировали события и добивались успеха. Вместо осуждения они встречали понимание и интерес в глазах женщин.

В записной книжке М.З. Гуревича приведено стихотворение «Корыстные намерения» (*Записная книжка Гуревича, 1942*) на эту тему:

Полфунта правды, пуд лукавства,
Полграмма совести, два пуда зла,
Притворства десять килограммов,
А страсти два ведра.

¹ Линия Маннергейма – комплекс оборонительных сооружений между Финским заливом и Ладогой, созданный в 1920–1930 гг. на финской части Карельского перешейка для сдерживания возможного наступательного удара со стороны СССР 135 км длиной. Эта линия стала местом наиболее значительных боев в Советско-финскую войну 1939–1940 гг. Между Выборгом и границей с СССР были спланированы три линии обороны.

Одна восьмая фунта чести
И постоянства один грамм,
К мужчинам двадцать фунтов лести,
Три пуда жадности к деньгам.

Любви не больше полстакана,
Упрямства пуд, лукавства – два.
И фунтов двадцать пять обмана,
Признанья – фунта полтора.

Два грамма чести, три пуда мести
Пять фунтов мудрости, три пуда глупости,
Прибавь пуд зависти и подведи итог.
И если, все смешав, поджарить,
В холодном месте все поставить –
И выйдет женская душа.

Рис. 7. М.З. Гуревич // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

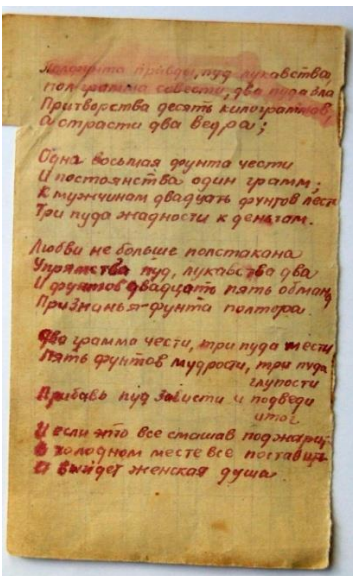

Рис. 8–9. Листы записной книжки М.З. Гуревича // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«На войне всем было трудно на войне, но девушкам и молодым женщинам намного труднее. Кругом мужской коллектив. Жили мы по лесам, по землянкам. Забирались в такие места, чтобы не достали ни немецкая пуля, ни снаряд. И как в таких условиях, без бани, без белья можно было находиться женщине? Среди нас были разные люди, житья им не давали: приставали без конца. Причем, чем больше власти, тем больше принуждали: к сожительству, к чему хочешь. Но были мужественные девушки, которые вели себя очень достойно. Невзирая ни на что, соблюдали и женскую честь, и очень помогали всем нам, поддерживая морально. Санинструктор Наташа прибилась к нам, когда мы освобождали Смоленскую область. Сидели однажды в землянке пятеро солдат и Наташа. Вульгарность солдатскую она уже усвоила, но был среди нас такой трепач, он ей говорит: “Наташа, что ты все с офицерами, да с офицерами время проводишь. Ты бы хоть разок с простым солдатом, со мной, например”. Он даже немного более определенно выразился. Наташа тоже что-то такое ответила в шутку. Но потом он уж очень ее донял, а солдаты ржут вокруг, как жеребцы – солдатня. И тогда она ему говорит: “Ах ты, такой-сякой, пошли. Если ты со мной сможешь пять раз подряд, тогда пошли!” Он сразу смеяться перестал: “Ты что с ума сошла?” И пулей выскочил наверх. Это было не со зла, такой юмор солдатский. В одном из боев Наташу тяжело ранило: оторвало обе ноги, она умерла от потери крови» (Смиловицкий, 2016: 79).

По-другому складывались отношения между мужчинами и женщинами в госпиталях. Свободного времени там было много, а силы, возвращавшиеся к раненым после выздоровления, будили действие гормонов. Ощущение того, что скоро выписка из госпиталя и отправка на фронт, где шансы жизни и смерти оставались равными, заставляли живых вспоминать о живом. Поэтому не всегда возникавшие отношения были разборчивыми и долговременными. Удачливыми оказывались более настойчивые мужчины, особенно если они имели привлекательную внешность и не скупались на обещания, за которыми ничего не стояло. В таких случаях говорили, что война все спитет.

«Здесь (в госпитале – Л.С.) трудно найти другое занятие, кроме волокитства за здешними разнузданными, распалившимися от “мужской” голодухи бабенками, похотливость коих перешла все границы возможных норм нравственности и приличия. На это я не способен, да и едва ли бы соблазнился, даже будучи здоров. Очень уж все мерзостно, хотя калеки войны довольно приметно орудуют и на этом “фронте”, творя “памятники нерукотворные” своим доблестным и отважным делам» (Письмо Лобана, 8.07.1942).

«Я встретила человека, который мне стал дороже Саши. Но я ничего не решила. Мой последний мальчик хорош собою, молод, ровесник мне, характером веселый, любит развлечения, общество, танцы, имеет большой успех. Правда, он умен, образован больше всяких других, которых ты видела, вообще он очень интересен. Но ты уже понимаешь, чего можно опасаться с таким человеком? Он будет нуждаться и в таких развлечениях, в которых я не смогу принять участия. Я очень боюсь этого. И поэтому, несмотря на то, что время, проведенное с ним, было для меня прямо волшебной сказкой, я крепко думаю – и сомневаюсь. Он еще в госпитале на Украине. Мечтает о встрече. Война кончилась. Надо думать о жизни серьезно, и я не хочу делать ни глупостей, ни ложных шагов. Я обязательно увижу обоих, прежде чем решу что-нибудь. Вот почему, мамочка, я не прошу материнского благословения заочно» (Письмо Л. Левитан Б. Левитан, 15.05.1945).

Венерические заболевания. Начиная с лета 1944 г. в письмах и дневниках бойцов и командиров Красной армии появилась тема, которая прежде отсутствовала. Речь шла об отношении к противоположному полу на территории противника, его союзников или стран, оккупированных Германией. В ходе наступательных действий советские военнослужащие встретили местное население. В обстановке временного безвластия они действовали по своему усмотрению, практически без контроля. От доброй воли солдата зависело, проявить милосердие или излить свой гнев на мирных жителей, отомстить за родных, оставшихся в оккупации, погибших от рук карателей, болезней и голода, умерших в эвакуации или пощадить. Многие считали, что имели моральное право возместить свои страдания и лишения на войне, смерть товарищей. В этой связи, женщины воспринимались как трофей с соответствующим к ним отношением. Нередкими стали случаи, когда молодые люди, одетые в военную форму, не считали нужным себя сдерживать. При других обстоятельствах они даже встречали взаимность со стороны женщин, которые страдали от отсутствия мужского общества.

Большинство советских военнослужащих, оказавшихся за пределами СССР, не подозревали об опасности, которая им грозила в результате случайных связей. Понятно, что предохраняться никто не собирался, а противозачаточных средств негде было взять. Война продолжалась, люди шли воевать и умирать, поэтому временная передышка и потребность в женском внимании у мужчин, отвыкших в течение долгого времени от женской ласки, испытывавших в этом большую потребность, сыграла свою роль.

«Девушек много. Это окончательно разбалтывает наш народ. Мы теперь поменялись ролями. Атаки ведут девушки. “Ох! Вы слишком скромные”, – сказала одна девушка Езерскому. “Напрасно стараешься. Ничего не получится”, – ответил наученный горьким опытом бедный Ваня. Всего в дивизионе переболело гонореей человек пять (это если не считать Серегу Л.» (*Дневник Лейзерова, 2.07.1945*).

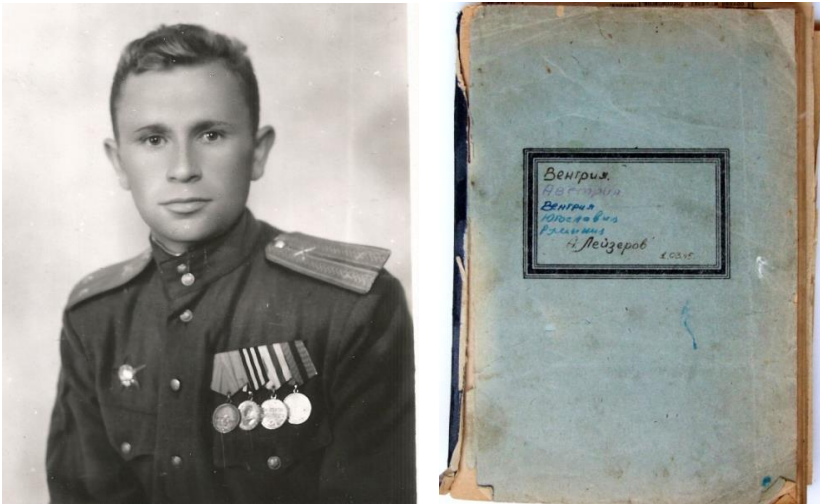

Рис. 10–11. А.Т. Лейзеров и его дневник // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«Сегодня было совещание офицеров, зачитали приказ Толбухина¹ о поведении личного состава во всех формированиях IV Украинского фронта и о венерических заболеваниях. Введен двухнедельный осмотр всего личного состава, осмотр перед отправлением в командировку и после возвращения» (*Дневник Лейзерова, 10.08.1945*). «Вечером ходил в город. Здесь немало санаториев. Улицы, аллеи переполнены отдыхающими румынами. Чувствуют они себя здесь как дома, женщины ходят в коротких трусах и лифчиках, мужчины в трусах. Ей-богу, сюда опасно пускать наших солдат – велик соблазн. И доктор наш тогда не оберется работы. На днях доктор получил солидную брошюру санитарного управления фронта “Указания по профилактике венерических заболеваний”. В ней уже гораздо меньше места, чем в предыдущих, уделено тому, что воздержание безвредно, и т.д. Эти нравоучения уступили место очень конкретным и практическим указаниям по самой профилактике» (*Дневник Лейзерова, 12.08.1945*). «Вчера Баринову одна из сестер санатория говорит: “Мы поражены вашими офицерами. Они такие скромные. Посмотрят кино, посидят на танцах и уходят домой одни. Мы их скоро начнем блокировать”. Чудная, она не знает, что все наши ребята скованы больше страхом, иначе бы она не говорила таких вещей» (*Дневник Лейзерова, 24.09.1945*).

В первые два года Великой Отечественной войны, когда военные действия протекали на территории СССР, заболеваемость венерическими болезнями в Красной армии была незначительна. Это объяснялось, прежде всего, социальными преобразованиями в стране и профилактическими мерами органов здравоохранения. Однако, когда советские войска

¹ Толбухин Федор Иванович (1894–1949) – советский военачальник, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. С марта 1943 г. командовал войсками Южного (преобразованного 20 октября 1943 г. в 4-й Украинский), а с мая 1944 г. – 3-го Украинского фронтов, участвовал в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии.

вступили на территорию, освобожденную от оккупации, особенно с переходом государственной границы, количество венерических заболеваний в войсках выросло – появились сифилис, гонорея, донованоз, трихомониаз, генитальный герпес, мягкий шанкр и даже паховый лимфогранулематоз (*Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., 1951: 130–131*). На всех фронтах были введены должности фронтовых, армейских и дивизионных венерологов, ежемесячно проводились медицинские осмотры, тщательно проверялось прибывающее пополнение. Усиливались политико-воспитательная работа и санитарное просвещение. Большое значение приобрела санитарно-венерологическая разведка, направляемая в освобожденные районы. При этом никаких репрессивных мер в армии и среди гражданского населения не принималось, хотя венерические заболевания в условиях войны рассматривались как недостойное и позорное явление, снижавшее боеспособность войск и граничившее с членовредительством. Созданная в СССР государственная дерматовенерологическая служба в сочетании с бесплатной специализированной помощью сыграла важнейшую роль в предотвращении широкого распространения сифилиса в послевоенные годы.

ППЖ. Однако, порой любовная интрига могла принять нежелательный оборот и последствия оказывались непредсказуемыми. Чувства приобретали такую силу, что выходили из-под контроля и становились предметом всеобщего обсуждения, особенно если один из участников связи уже состоял в браке. В воинском коллективе, состоявшем в подавляющем большинстве из молодых мужчин, это было неприемлемо. Нежелание считаться с принятыми условностями рассматривалось командованием как аморальное поведение с вынесением взыскания по служебной или общественной (партийной, комсомольской) линии.

«Ты мне пишешь про блокадных, тыловых и, как еще там у вас называются, жен. У нас они называются ППЖ (походно-полевые жены). На это смотрят здесь совсем просто, и никем не скрывается. Как ты правильно угадала, у меня за эти три года с лишним лет не было таковой» (*Письмо Я. Эпштейна, 13.09.1944*).

«Тебе казалось, что к фронтовой девушке больше уважения, чем к работнице тылового госпиталя? Оказывается, наоборот. Не удивляйся, заслужили этого наши фронтовички. Недаром их стали называть сокращенно ППЖ. Грубые шутки не рождаются сами собой. И эту распущенность ты считаешь в порядке вещей? Ну, об этом еще, вероятно, много будут говорить после войны» (*Письмо Клохтина, 4.05.1945*).

Несмотря на все препятствия, природа брала свое. Любовные истории оказывались скоротечными, поскольку солдат в армии себе не принадлежал. На смену всплеску чувств приходило расставание и воспоминание о прерванной любви. Однако это было очень важно для внутреннего роста молодого человека, как мужчины, для формирования характера и познания себя. Одних это закаляло, а других приводило к утрате прежних иллюзий и несостоявшихся идеалов.

«Вчера поздно вечером я застал Гречко, который читал письма из России. Одно письмо из Минска, от девушки, за которой Гречко ухаживал и добился близости. “Почему ты мне не пишешь?”, – плачет его любовь. Ей вторит ленинградка, которой Гречко оставил на память ребенка: “Я обещала дочке, что она все же увидит своего папу”. “Я тебя знала совсем другим”, – пишет законная жена, мать двоих детей. А наш Гречко стоит посреди комнаты и громко смеется, читая послания из России. Мне кажется, он очень далек от того, чтобы почувствовать угрызения совести» (*Дневник Лейзерова, 12.09.1945*).

Иногда в результате фронтовых романов возникали новые семьи. По окончании войны, когда прежние семьи, считавшиеся погибшими (на оккупированной территории или во время эвакуации), находились, фронтовая любовь оставалась позади. Или наоборот, обретя отца семейства живым после победы, вскоре его теряли, потому что фронтовая любовь оказывалась сильнее и ярче.

Признание в любви. Среди романтической переписки военных лет к наиболее трогательным относятся письма с признаниями в любви. По своему содержанию и тональности они выделялись неискунностью и доверчивостью. Это была попытка выразить свои чувства молодых людей, которые только вступали во взрослую жизнь. Юноши и девушки не успели еще накопить жизненный опыт, в том числе и в любовной сфере. Знания о романтических отношениях были почерпнуты ими главным образом

из книг и рассказов друзей и знакомых, развиты собственным воображением. Молодые люди стояли на пороге жизни, когда вмешалась война, которая спутала все планы, и вместо того, чтобы познавать и строить жизнь, они должны были стать ее защитниками. Однако это не отменяло потребность любить. Неведение своего будущего и грозные события, которые надвигались, незнание подлинной картины происходившего на фронте – ничего не могло заслонить первое чувство, которое они переживали.

На призывные пункты многие пришли в сопровождении своих подруг и возлюбленных. Одни юноши уже успели объясниться, другие еще только собирались это сделать. Никто не собирался прощаться навсегда, хотя тревога уже поселилась в душах. Они не должны были жалеть свою жизнь для разгрома врага, и сделали все, что от них требовалось. Горько сознавать, что большинство авторов писем не дожили до победы.

Все, что нам осталось от этих юношей и девушек – это письма с горячим желанием жить, любить и быть любимыми. Знакомство с романтической перепиской самых молодых солдат войны, многие из которых встретили смерть уже в первом бою, показывает, какая горячая жизнь была сражена на взлете.

«При одной мысли, что я тебя не увижу, сжимается сердце. Мне кажется, что ни к кому в жизни я не был так привязан, как к тебе. Если это письмо будет последнее, то оно пусть скажет тебе о моих чувствах. Моя откровенность и преданность к тебе пусть будет клятвой моей жизни. Если я буду жив, то твою дружбу я никогда не забуду. Уста хотят сказать: прощай – а рука все же пишет: “До свидания”.

<...> Ты ужалила, как пчела. Так ошарашила, что я теряю мысли, чтобы выразить свою радость и восхищение. Мое желание видеть тебя с невыразимой болью разгорается, точно трескучий факел. Сердце точно у орла в железной клетке. Я вновь воскрес. Расцелую тебя я за пробужденный в сердце май! Нет слов, сказать о чистоте моих помыслов. Твою дружбу я принимаю как высокую награду, выше которой для меня ничего нет. Ты прелестная девушка! В тебе непочатый край жизни, и я благодарен за каждое слово. Я так богат, как никогда, у меня есть замечательный друг. Возьми же жизнь мою, все, что есть во мне хорошего. Я отдам ее тебе со всей тревогой и радостью без остатка» ([Дневник Лютых, 27.06.1941](#)).

«Ты один из тех, кому я первая смело заявила о своей любви, ты один, кому я откровенно созналась в своих желаниях, и один, кому я много обещала в будущем. Ты спросишь, почему так? Не знаю. Я инстинктивно чувствовала, что я не ошиблась, а теперь я просто в этом уверена. Другим, до тебя, я никогда не произносила слова – люблю; никогда никому не доверяла, и ничего не обещала. И как бы ни были хороши лейтенанты, капитаны, майоры и полковники, ты мне дороже и роднее всех, и никто из них не посмел посягнуть на то, что я тебе подарила. Твои письма хорошие, ласковые и заботливые, поднимают дух, и тогда забываешь все неприятности, и вновь хочется жить» ([Письмо Латышевой, 17.03.1942](#)).

«Единственно, что удерживает меня в равновесии – твои письма. Золотко мое, как тепло ты заботаешься обо мне, как ты меня хорошо любишь, я дорого ценю твои чувства, ты достоин того, чтобы назвать тебя моим родным мужем!!! Ты так этого хотел. Теперь ты доволен? Да? Твоя Ольга помнит, не забывает, любит и больше того – страдает и сильно скучает...» ([Письмо Латышевой, 5.08.1942](#)).

«Мы много лет не виделись, у каждого создался образ, который могла приукрасить собственная фантазия, а встретившись, увидел, что ошибся, но понял это только после того, как решение было принято. Да это больше, чем нечестно, это трагично для ошибки – и неужели ты в этой роли? Может, ты не знаешь, что делать, и дашь тогда разрешение тебе помочь, и мне посоветовать. Немедленно напиши всю правду без отговорок. Не жалею меня (это еще больней), не бойся ничего, никаких упреков или чего-то позабытого ты не услышишь, они излишни и никому ничего не дают, кроме ужасной горечи жизни, особенно, при таких разбитых коробках. Ничего не сделаешь и насильно» ([Письмо Лукашевской, 22.11.1945](#)). «Я хочу, чтобы наши корабли вышли в большое и светлое плаванье. Я уверена, что никакие рифы и никакие мели нас не удержат. Ведь штурманы наших кораблей – мы сами» ([Письмо Лукашевской, 28.12.1945](#)).

Романтическая переписка между женой и мужем. Письма, условно обозначенные, как “признание в любви” отличаются от подборки писем “любовь к мужу” и

“любовь к жене”. Жизнь на войне – это всегда противостояние. Близость смерти требовала в общении с самыми дорогими людьми предельной искренности, переоценить то, что пережито. На войне нельзя было загадывать, что будет завтра и кто доживет до победы. Это понимали все, кто писал письма, и кто их получал. В такие моменты себе не лгут, поэтому нам особенно дороги эти свидетельства.

Супружеские письма не подлежали широкой огласке, их писали наиболее близкому человеку, способному понять и оценить. Письма лета 1941 г. – это, как правило, письма прощания, когда муж уходил на войну. Важно было подобрать наиболее выразительные слова, дать оценку прожитым годам, мирному времени, упущенным возможностям. Обстановка была угрожающей, а события, которые разворачивались на фронтах, оказались намного более серьезными, чем ожидалось. Письма передают трепетное волнение при расставании, когда самый близкий человек уходил в неизвестность. Супружеские письма 1942 и 1943 гг. отличаются тем, что солдат-отец, солдат-муж оставались живы. И надежда на встречу уже не казалась настолько призрачной, хотя обязательно подчеркивается, что неизменным условием для нее будет победа.

В письмах жен, адресованных мужьям, надевшим солдатские шинели, подчеркивалось, что любовь, надежда и желание встречи сохраняют им жизнь. Это было именно то, что хотели слышать мужья-солдаты, и проходит рефреном через многие письма. Возникает ощущение, что мысли и чувства любящих супругов передавались друг другу на расстоянии. В письмах часто упоминаются дети. Жена писала на фронт, уложив ребенка в кроватку и, глядя на него, вспоминала знакомые черты и характер любимого человека.

На отпуск никто не надеялся, домой на побывку отпускали только после тяжелого ранения и выписки из госпиталя. Оставалось отложить чувства, «зажать их в кулак, терпеть и ждать». Мужья признавались, что в момент тяжелого испытания их жизненные силы поддерживало страстное желание увидеть любимую женщину. Но для этого нужно дожить, разделаться с врагом.

Мужья, обращаясь к своим женам, старались подобрать самые нежные слова, донести свои переживания, передать сокровенные чувства – «ты мой ангел, ты всегда со мной, я всегда вижу и чувствую тебя с собой рядом». И далее, как вывод – «наша любовь облагораживает меня, возвышает, властно требует лучших чувств к своему дорогому человеку» (Письмо Гузикова, 28.06.1943). В некоторых письмах прямо указывалось, что весточка от жены гораздо дороже «любых писем от девушек».

Понятно, что далеко не все мужья-солдаты были способны точно передать свои чувства на бумаге, правильно выразить мысли, подобрать нужное слово или сравнение. Однако, когда мы находим подобные примеры в переписке, они оказываются еще более действенными. Невозможно, например, без волнения читать такие строки: «...очень хотелось тебя обнять и поцеловать, но пока это только мечты. Все свои чувства к тебе я переключаяю на заботу о бойцах...» И тут же после слов высокого пафоса мы читаем обыденные, но настолько понятные земные строки: «...волосы к лету не стриги, завивку не делай, они от этого портятся, лучше поухаживай за ними» (Письмо С. Канцедикаса, 16.05.1942).

Письма жен к мужьям на фронт преследовали главную цель – не только напомнить о своей «негасимой любви»¹, но и передать поддержку, необходимую их любимым в решающий момент. Достаточно было прочитать в письме из дома только несколько фраз о том, что «без твоих писем нет жизни, мне нужен только ты, я верю, что моя любовь сохранит тебя, и ты вернешься ко мне», чтобы у мужа-солдата открылось второе дыхание. Жены, писавшие в действующую армию, понимали, что их мужья подвергаются смертельной опасности. В этих письмах мы находим такие строки – «возможно, завтра придется снова сражаться в жестоком бою. Помни, я с тобой!».

Наряду с этим от жен приходили письма размышления, иногда полные сожаления, или даже разочарования вынужденным одиночеством – «с завистью смотрю на тех, кто пришел с мужьями, а ты как будто никому не нужна». И тут же, спохватываясь, следовало добавление – «все-таки я не теряю надежды, что ты вернешься живым, и мы всюду будем ходить вместе» (Письмо Ваил-Новак, 7.01.1945). Общая мысль, объединявшая письма

¹ Слова из песни «Землянка» (ноябрь 1941 г.). Музыка К. Листова, стихи В. Суркова.

супругов в годы войны, была посвящена тому, что жизнь начнет только тогда, когда муж вернется с войны, а «пока это не жизнь, а пародия» (Письмо Ваил-Новак, 16.01.1945). Люди, связанные брачными узами, постоянно повторяли в письмах, что они думают друг о друге. На работе и дома, по дороге на учебу и в очереди за хлебом.

Женские письма содержали прозрачные намеки на то, как они ждут своих супругов: «...туфельки своих я со времени твоего отъезда еще не надевала, чулок хороших тоже нет, не употребляю тех духов» (Письмо Э. Канцедикас, 5–6.06.1944). Отдельные письма супругов с выражением чувств были настолько сокровенны, что порой они начинали беспокоиться, чтобы их старшие дети не добрались до этой переписки. В отдельных письмах о любви между супругами можно встретить приписку – «с этого места читай одна». Или – «это письмо спрячь получше, чтобы дочь его не нашла» (Письмо Н. Эпштейн, 1943)

Любовь к жене. Письма мужчин были не только чувственны, но и содержали рациональное начало. Мужья не только признавались в любви своим женам, но и пытались объяснить логику своего чувства. Они перечисляли достоинства своих жен, как нежных и страстных подруг, заботливых жен и матерей. Некоторые признавались, что мысли о женах и мирной жизни мешают заснуть, что жена для них – олицетворение домашнего уюта и покоя. Другие ругали себя за недостаток внимания, терпения и заботу о своих супругах. Часто мужчины повторяли в письмах своим женам известную истину о том, что только в трудные моменты жизни они познают истинных друзей и понимают совершенные ошибки во всей их неприглядной наготе. Трудности фронтовой жизни только оттеняли супружескую любовь, делали ее более зримой, желанной и неповторимой.

«Как хочу я видеть тебя, поцеловать в уста... сейчас не время чувствам слово давать. Когда встретимся, тогда пусть чувства говорят. Поэтому будь крепка, как я. Но я верю твоей силе, ты у меня молодец. Люблю тебя, дорогая» (Письмо Тельжинского, 12.11.1941).

Рис. 12. Н. Тельжинский // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

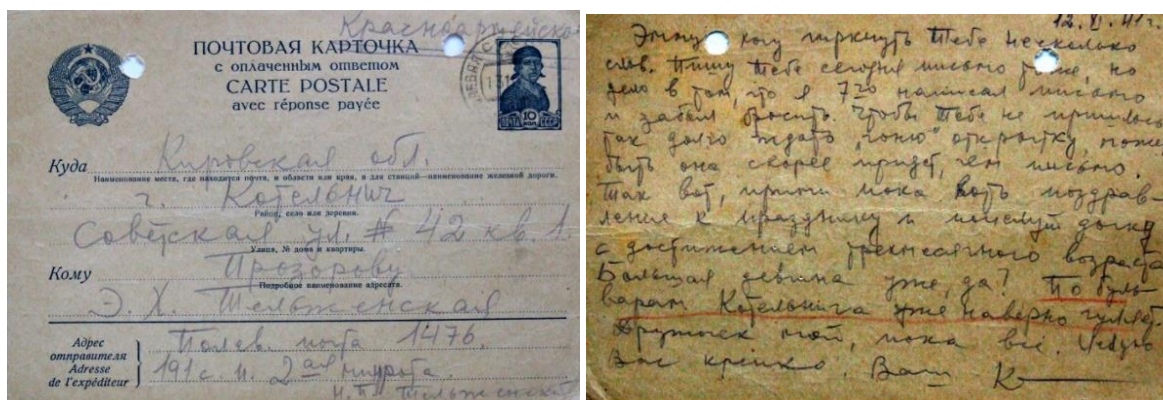

Рис. 13–14. Письмо Н. Тельжинского жене, 12 ноября 1941 г. // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«Теперь я понимаю всю огромную прелесть близости с тобой. Поэтому мысленно я часто целую твои черные ресницы и твои синие глаза» (Письмо Абрамовича, 15.06.1944). Многие не скрывали, что закрывая глаза, они видят своих подруг перед собой, как будто наяву, и это поддерживает их в тяжелые минуты, что чувства их можно сравнить по силе с напряжением в бою. При этом делался вывод о том, что для этого необходимо скорей покончить с врагом и выжить. Порой, мужья просили не обижаться на возможную сухость писем, подчеркивая, что три года тяжелой борьбы с врагом не ожесточили сердце, что они продолжают любить до бешенства, до иступления. И только смерть позволит забыть возвышенные чувства и ощущение счастье, которое они испытали.

«Я по-прежнему такой же нежный и мечтаю только об одном»¹, чтоб скорей с победой закончить войну и вернуться к тебе и моим милым деткам. Я голоден, как волк на родное ласковое слово, на твою женину заботу и ухаживания, на родное чистое слово привета. Но я не чувствую себя способным сейчас найти подходящие выражения и этим чувствам, какие мной владеют в минуты «отдыха»» (Письмо Скульского, 4.10.1944).

«Забыть тебя – это значит просто не жить, и забуду я тебя только тогда, когда глаза закроются, сердце перестанет биться, и мозг уже не состоянии будет удержать ни одной мысли. Письмо от жены во много раз дороже любых писем от девушек, которые они получают» (Письмо Ваила, 26.12.1944).

«Сиж у костра в темном лесу, кругом полная тишина, ты перед глазами, и мысли о тебе. Может быть, и ты не спишь? Проснулась и вспомнила меня, ведь наши сердца бьют[ся] в один такт» (Письмо С. Канцедикаса, 18.02.1945).

Квинтэссенцией большинства мужских писем о любви к своим женам заключалась в том, что они давно привыкли к боевой обстановке, ко всем ее трудностям и опасностям, но они не могут одного – жить в разлуке, жить без своих подруг, что их жизнь и все будущее – это любимая женщина.

Любовь к мужу. В женских письмах преобладали, прежде всего, чувства, говорилось о неповторимости своего избранника, верности и преданности ему при любых обстоятельствах. Подчеркивалось, что только муж способен дать счастье, позаботиться о ней и детях, что он составляет смысл жизни женщины. Утверждалось, что любовь женщины настолько сильна, что защитит любимого человека и позволит вернуться к ней живым и невредимым. Слова о том, что «моя любовь тебя сохранит» – типичное утверждение большинства женских писем. Вера в это хранила не только мужчин на фронте, но и позволяла сохранить равновесие их женам и подругам в тылу и в эвакуации, вынести разлуку, воспитывать детей и работать на производстве, в оборонной промышленности, сельском хозяйстве, делать все необходимое для победы над врагом.

«Думаю о тебе, когда иду в институт, из института, когда ложусь спать и встаю – каждую минуту, когда мысль свободна. Хорошо, что играет молодая кровь (это и со мной часто случается) – нельзя дать заглохнуть чувствам в себе, надо их беречь. Это очень ценно»

¹ Строки известного стихотворения С. Есенина «Письмо матери» (1924 г.)

(Письмо Э. Канцедикас, 1.02.1942). «Я бываю эгоисткой, собственницей, ненасытной... говорю открыто все, что думаю. Говорят, что женщины должны быть политиками, но ведь ты мой, без всякой политики, и могу говорить, что думаю? ...Я так по тебе тоскую, просто изнываю по вечерам. Пою песенку и думаю о тебе перед сном – о тебе, всегда, всегда» (Письмо Э. Канцедикас, 28.03.1944). «Может, у тебя тяжелые, напряженные минуты, так пусть тебя поддерживает одно: я совсем, совсем твоя, и физически, и мысленно – вся твоя больше, чем когда-либо» (Письмо Э. Канцедикас, 24.06.1944).

«Без твоих писем нет для меня жизни. Мне нужен только ты, и я верю, что моя любовь тебя сохранит, и ты вернешься ко мне» (Письмо Ваил-Новак, 28.12.1944). Особую силу в женских письмах содержало утверждение о том, что мужчин любят, ждут и примут в любом состоянии – здоровым и больным, раненым и изувеченным или инвалидом. Главное только, чтобы они вернулись домой живыми. Это было как раз те слова, которые надеялись услышать и прочесть солдаты и командиры на фронте. Подобное утверждение не было красивым преувеличением, носило не условный, а прикладной характер, поскольку смерть подстерегала человека на войне на каждом шагу. Умереть или стать калекой можно было в одно мгновение. Когда подобная трагедия происходила с молодым человеком, которого вся жизнь ждала впереди, то обещание любви, поддержки и заботы в устах любимой женщины звучало с необыкновенной силой.

Одновременно подобные слова должны были подчеркнуть всеобъемлющее чувство любви, ее неподдельность и искренность. Они служили подтверждением верности и преданности любимому человеку, который рисковал ради любимой женщины и своих детей, страдал, терпел, мучился на войне.

«Я тебя люблю, безумно люблю и хорошо знаю, что это чувство настоящее, на всю жизнь. Меня радует твоя улыбка, твоя походка, твой почерк – все это я знаю так хорошо. Живу надеждой видеть тебя. Наряжаясь, думаю о тебе. Мечтаю о том, чтобы нравиться тебе. Хочу тебя видеть теперь еще, если предстоят бои. Нам необходимо быть вместе хоть один день, хоть один час. Сейчас лягу спать, приласкаю сыночка, буду думать о тебе, что тебя ласкаю» (Письмо Э. Канцедикас, 9.03.1945).

«Я тебе уже написала сегодня. Не знаю, что со мной случилось, но я как-то по-особому сейчас тоскую по тебе. Кажется, только бы тебя увидеть, прижаться к тебе – и больше мне ничего не нужно бы было. Неужели это несбыточная мечта? Не поверю. Как ты мне замечательно снился. Я увидела, что ты без руки, и это не произвело на меня никакого впечатления. Я только целовала тебя всего-всего» (Письмо Н. Эпштейн, 1944).

«Если бы только была возможность, то я полетела, чтоб только посмотреть на тебя и успокоиться хоть немного. Теперь победа уже совсем близка, и близка наша встреча, но надо запастись большим терпением и ждать счастливого дня нашей встречи, когда я тебя увижу и услышу твой голос. Но пока что хочу твоего письма, хочу знать, что ты жив» (Письма Ваил-Новак, 8.05.1945).

Интимные отношения. Интимная лирика по праву считается наиболее редкой в военной переписке. Прежде всего, потому, что в пуританском Советском Союзе тема интимной близости всегда представляла собой фигуру умолчания. Она никогда не являлась предметом общественного обсуждения и с большой предосторожностью освещалась в художественной литературе, изобразительном искусстве, театре и кино, почти полностью отсутствовала в публицистике. Однако игнорировать или обойти тему интимных отношений было нельзя, точно также как невозможно было ее отменить или запретить.

Понятно, что все, что происходило наедине между мужчинами и женщинами, любящими друг друга, не должно касаться постороннего взгляда. Однако в годы войны эта тема неожиданно себя обнаружила и вышла на «поверхность». Главным образом, это произошло потому, что вопрос о жизни и смерти стал очень остро. Человек, который был способен дарить радость интимной близости сегодня, обладать другим и позволять обладать собой, завтра шел в бой и мог завершить свой земной путь. Именно это позволило снять многие внутренние запреты.

Однако мало было набраться смелости для начала этого разговора. Необходим был определенный культурный уровень, чтобы выразить свои мысли, найти правильные слова и интонации. Сделать так, чтобы произнесенные слова не были превратно истолкованы, не обидеть женщину. Люди, наиболее подготовленные и развитые, позволяли себя

использовать такие слова, как «интимная близость» или «половая связь», что само по себе в почтовой переписке встречалось не часто. Известно, что интимная близость – это предельная степень доверия, пик отношений между мужчиной и женщиной, не только физической, но и духовной близости.

Нужно было проявить недюжинную изобретательность, чтобы вести разговор на эту тему с помощью почтовой переписки, когда военная цензура досматривала в обязательном порядке все письма без исключения. Письма интимного содержания, в отличие от большинства других писем, которые приходили или уходили на фронт, не являлись предметом публичного внимания. Известно, что письмо с фронта всегда вызывало повышенный интерес, и часто зачитывалось вслух не только родственникам, но и соседям, сослуживцам, друзьям, знакомым. Точно также с письмами из дома многие солдаты и командиры позволяли знакомиться товарищам по оружию, которых они считали своей семьей.

У нас нет данных, которые позволили бы выяснить соотношение писем интимного содержания, прошедших почту или доставленных с оказией. Тему интимной лирики дополняли соответствующие записи, сделанные в военных дневниках. Так или иначе, но спустя десятилетия после окончания Второй мировой войны, письма интимного содержания уравнили себя в правах. В настоящее время они являются историческим документом, необходимым для изучения психологии поведения человека на войне. Письма могут быть подвергнуты научному анализу, показывают уровень откровенности, который позволяли себе любящие люди, чтобы выразить свои чувства или объясниться.

«Аромат твоей молодости так приторно сладок! Чем больше узнаю я тебя, тем больше влечешь ты меня к своим берегам, которые были так далеки и оказались недостижимыми. Я зашел, когда она спала. Ни дверь, ни замок уже не может служить для меня преградой, слегка повернув черную курчавую голову, я разбудил ее. Карие зверьки вдруг выплыли из-под черных ресниц. Зачем их красить, они и так черны, как смоль. Красота и без красок воспаляет. День уже зашел за середину, а в комнате так темно. Это замаскированы окна, но это как раз и хорошо. Иначе бы ее скромность никакими судьбами не заставишь говорить о дружбе, поцелуях и священности. Хотел я пробормотать: мудрец сказал, что все, что принадлежит тебе, мое столько же, сколько и твое, да побоялся спугнуть ее откровенность. Сквозь занавески окон уже светило солнце – признак окончания дня. Она повторяла, что можно сделать сегодня, не откладывая на завтра. С ней я забыл, что живу на свете» (Дневник Лютых, 3.04.1942).

«Ты тяжело переживаешь отсутствие мужа и в половом отношении. Эх, и горячая же оказывается ты, ведь прошло всего полгода» (Письмо С. Канцедикаса, 7.10.1942). «Пишу иногда и очень интимные письма, которые потом не высылаю. Вообще, когда я получаю от тебя письмо или пишу тебе, мне кажется, что ты где-то рядом, что я тебя сейчас увижу» (Письмо С. Канцедикаса, 7.01.1943).

«Старушка моя, а хочешь ли еще девочку? Если бы знать, что будет такая же, как Рут, я бы не прочь, а ведь скоро 20 лет, как мы с тобой женаты. Подумать только!» (Письмо Я. Эпштейна, 26.02.1943). «Ты пишешь, что совсем помолодела. Увы, мне едва ли скоро придется порадоваться твоею молодостью. Я же, по-видимому, здорово изменился. Виски седые, на голове волос значительно убавилось. Тоскую по тебе до помешательства. Прямо бывает, места себе не нахожу, ведь уже два года монашеской жизни. Увидимся, ты меня сразу и не узнаешь. Но и я очень окреп, и тоже, несмотря на седину и плешь, еще молодец. Могу доказать» (Письмо Я. Эпштейна, 31.05.1943).

«Вчера перелистывал книжку и нашел там слова Энгельса, которые мне очень понравились. Они превосходно выражают наше с тобой состояние теперь. Вот они: “Наша половая любовь знает такую степень интенсивности и продолжительности, при которой необладание и разлука представляются обеим сторонам большим, если не величайшим несчастьем”. Так он говорил о любви будущего» (Письмо С. Канцедикаса, 13.12.1943). «Так страшно захотелось закинуть руки вокруг твоей шеи и прижаться к тебе, как маленькая. Как-то я прошла мимо стекла, увидела свое лицо и волосы, и так страшно захотелось, чтобы ты хоть один раз провел рукой по ним. Не могу, Сергей!» (Письмо Э. Канцедикас, 16.05.1944). «Дорогой мой, сегодня я шла вечером из столовки одна по улице и вспомнила всю свою жизнь, всю жизнь с тобой. Вспомнилось много моментов нашей

интимной жизни, этот замечательный контраст, который между мной и тобой – то, из-за чего нам с тобой бывало так хорошо. Ведь ты такой крепкий, такой настоящий мужчина, а я нежная, хрупкая женщина. У меня ты один был и будешь, я очень глубоко привязана к тебе и в половом смысле, и другого не хочу ни за что в жизни. Но смотри, не оскорби меня» (Письмо Э. Канцедикаса, 30.10.1944). «Я грубый, может быть, даже черствый человек, без единой слезы я похоронил десятки своих лучших товарищей за эту войну, я могу все перенести, но не могу без тебя. Без тебя нет жизни» (Письмо С. Канцедикаса, 7.05.1945).

Ревность. Письма о любви, которые солдаты так ждали на фронте, не были лишены ревности. Кого могли ревновать женщины, писавшие из эвакуации? Считается, что любви без ревности не бывает – не ревнуешь, значит, не любишь. Так ли это? Тема ревности перекликается с понятиями супружеской верности, любви и преданности, граничащей с самопожертвованием. Отсутствие ревности многие понимали, как безразличие, равнодушие. Другие считали, что если доверяешь, то не должно быть места ревности. Однако в действительности это было не так. В письмах ряд авторов (мужчин или женщин) прямо признаются в ревности. Женщины переживали, насколько мужья им верны на войне. Но и мужчины не были лишены этих подозрений, думая, как жена выдержит разлуку, которая длилась годами. Так или иначе, но тема ревности периодически возникала в каждой переписке. Девушки и юноши, мужчины и женщины, мужья и жены, состоявшие в переписке, выясняли отношения, ссорились, мирились, просили друг у друга прощения, а потом все начиналось заново.

Иногда ревность приходила во сне, и тогда жена признавалась мужу (или муж – жене), что она ревновала (ревновал) и как была рада (рад), что это только сон... Мужья часто успокаивали жен, неженатые – возлюбленных, заверяя о своей любви, повторяя, как они им дороги, что они воюют именно за них. Некоторые ссылались на свой возраст и усталость от войны и жизни. Но это успокаивало женщин не всегда.

Ревность в письмах на войне подчеркивала неподдельность чувства, искренность переживания за жизнь любимого мужчины. Одновременно подруги сохранили опасения, что война может отнять любимого, что чужая женщина способна увлечь его и разлучить с семьей. И такие страхи имели под собой почву. Иногда ревность принимала крайнюю форму претензии на любимого человека – пусть его ранят в бою, пусть он лишится конечности, утратит зрение, станет инвалидом, калекой, но тогда другие женщины не захотят на него смотреть (претендовать).

Ревность не украшала военную переписку, она рождала негативные эмоции и вызывала большие огорчения с обеих сторон. Мужчины чувствовали себя уязвленными в том, что они должны оправдываться в любом случае, пусть без вины виноватые. На них распространялась мнимая коллективная ответственность за грехи сослуживцев, которые позволяли слабость и не хранили верность своим подругам (женам). Жены и возлюбленные ждали своих мужчин домой не только с победой, живыми и невредимыми, но и с незапятнанной репутацией. Посмотрим, как это было отражено в письмах:

«Я вижу уже твое улыбающееся лицо. Ну, смотри, не изменяйся. Не смей больше быть на вечерах. Нет, я не такая жестокая, ходи, только ни за кем не ухаживай. Я знаю женщин. Бывают такие, что ни на что не посмотрят, а увлекут, мужчина становится бессильным, и тогда... бывают всякого рода неприятности. Я вполне тебе доверяю, но все-таки прошу быть осторожным. У меня тоже есть знакомые, но никто меня не удовлетворяет. Одни слишком глупые, другие – скучные, третьи – пошлые. Третью группу я презираю и не желаю быть с ними знакомой, но таких мало. Но мое поведение не располагает к этому. Обыкновенно меня уважают и считают некоторые за счастье поговорить со мною» (Письмо Лобана, 5.08.1942).

«Какой дурак на войне женится? Что же будет за армия, если все поженятся, а нас не мало, верно ведь? Меня интересует вопрос, какой сукин сын додумался кляузничать о моем поведении в госпитале. Ни с кем я откровенен не был, да это и не требовалось. Писем я от вас не получал, никто из посторонних их не читали, хранить их совершенно не требовалось. Да и в госпитале я был не в нормальном состоянии, а с ранением, где меня лечили. Так что все это клевета, не выдерживающая критики. Вот и все. Давай начнем переписку нормальную, хватит куролесить. Пиши письма чаще. Жду» (Письмо Олешева, 19.11.1942).

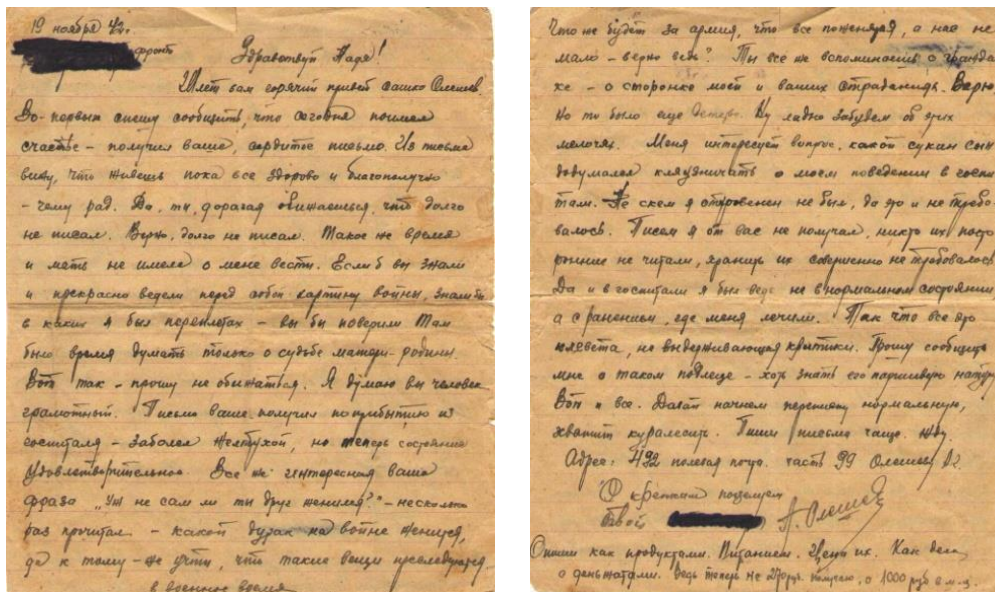

Рис. 15–16. Письмо А.Г. Олешева Надежде Алексеевне (фамилия не установлена), 19 ноября 1942 г. // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете

«Сегодня ты мне всю ночь снился немножко бесстыдно, но хорошо. Помнишь, когда-то у меня бывали печальные сны с тобой – это из-за ревности. Стыдно признаться, но, когда долго не было писем, и я подозревала всякое, бывали даже плохие думы: что если тебя ранят, ты будешь совсем моим, тебя тогда никто не заберет» ([Письмо Э. Канцедикас, 26.03.1944](#)).

«Ты, милая, забываешь, что у меня морщины вокруг глаз, почти белая голова, неприятная складка вокруг рта, в общем, я становлюсь, если не стар, то, во всяком случае, о таких говорят “пожилой”. Однажды мы остановились в деревне, в <...> нас прекрасно приняли, хорошо угостили, уложили в прекрасную постель. Утром я узнаю, что мой ординарец всю ночь гулял с хозяйской дочкой. Ему 23, а мне 36. Твои волнения не стоят гроша ломаного. Вовсе не значит, что как мужчина я погиб, нет, когда приеду, ты убедишься, что я еще кое-что стою. Но, во-первых, я муж, отец, во-вторых, я всегда страшно занят. В общем, мамка, не дури!» ([Письмо Абрамовича, 3.09.1944](#)).

«На твои упреки в остывших чувствах не буду отвечать. Это слишком тяжело объяснить, да и вряд ли ты из письма поймешь. В такой войне пробыть более трех лет в армии, на фронтах, надо было иметь не одно военное “счастье”. Вот только что, совсем рядом, разорвались два снаряда. Я минут на пять прервал течение письма. Проклятый фриц отгрызается. Понимаешь ли, какое сейчас настроение?» ([Письмо Скульского, 30.09.1944](#)).

«Хаиму обязательно напишу. Я его ревновал к тебе, так и устроен человек. И в коммунистическом обществе останется еще “частный феодализм”. Коммунизм в любви – это не любовь, а проституция. Как тогда не мог я быть без тебя, так теперь без твоих писем» ([Письмо Клохтина, 9.01.1945](#)).

«Я видела женщин, которые, может, и были верны своим мужьям, но допускали некоторую ласку и со стороны других. Но у меня все эти годы было достаточное основание не поступать подобным образом. Я думаю, за последнее время у тебя “добавочно” ничего не случилось, хотя я сознаю, как тяжело тебе должно быть и именно теперь – просто необходима женщина» ([Письмо Э. Канцедикас, 29.05.1945](#)).

Супружеская верность. Письма о супружеской верности позволяют составить собирательный портрет солдата как семейного человека. В письмах дается объяснение того, как муж или жена видят понятие супружеской верности, и почему необходимо хранить взаимное доверие. Каждый из супругов дает свой ответ на поднятую тему и приводит собственные доводы. При этом часто вспоминаются отношения в семье в мирное довоенное

время, говорится, что сохранение семьи возможно только при взаимном соблюдении верности друг другу. Что для любящих супругов это отнюдь не формальный акт, что их не удерживает правило, которое служило оправданием для отдельной категории военнослужащих о том, что война все спишет, или «никто не узнает» или «никто не скажет».

Отношения мужчины и женщины на войне давали повод усомниться в прочности семейных уз. Мужчины не отрицали, что рядом были женщины, которые при известных обстоятельствах могли ответить взаимностью. При этом некоторые мужья приводили описания «боевых подруг» в привлекательном или, наоборот, в отрицательном свете (старые или молодые, серьезные или легкомысленные, недотроги или доступные). Некоторые мужья специально сгущали краски – «женщины тут пьют», «девушки со спитыми лицами». Порой, авторы писем с фронта приводили примеры, которые могли свидетельствовать не в пользу мужа – «старая знакомая пригласила ночевать к себе в комнату», но тут же, идет пояснение, что в комнате спали ее родители ([Письмо Тельжинского, 20.10.1941](#)).

Мужья и жены, разделенные тысячами километров, испытывали потребность лишней раз услышать, как они дороги и необходимы друг другу. Супружеская верность подается в письмах, как общий фундамент отношений на будущее, ведь война «когда-нибудь» кончится, и как тогда строить взаимные отношения?

Отдельной темой в переписке проходили юбилеи супружеской жизни, которые выступали как своеобразные семейные вехи. Это был повод вспомнить годы, прожитые вместе до войны, семью, детей. Время тогда казалось благополучным и даже безмятежным. Если принять во внимание призывной возраст, который колебался с 1914 до 1924 гг., то семейный стаж большинства бойцов и командиров был небольшим. Однако, чем он был короче, тем становился дороже. Даты вступления в брак упоминались в письмах наравне с днями рождения мужа и жены.

Супружеская верность подается в большинстве писем как величина постоянная в огромном меняющемся мире на фоне мировой войны как великой человеческой трагедии, уносящей ежедневно тысячи человеческих жизней в расцвете сил. Супруги просили друг друга не только соблюдать верность, но и сберечь себя и детей как главное богатство, как бесценное достояние их любви. Они собирались сохранить семейный союз и возродить то, что разрушила война, родить детей, вырастить и подняться в жизни.

«Сегодня я шел и думал, что шестой день нашего юбилея [вступления в брак – Л.С.] придется отметить в необыкновенных обстоятельствах, но все равно, где я не буду в тот день – в бою или нет – не забуду о нем» ([Письмо Тельжинского, 29.10.1941](#)).

«Я живу прежней одинокой жизнью с бесконечной тоской за тобой. Все дни, все ночи – только о тебе. У меня одна просьба, если ты действительно сильно любишь меня, береги себя и здоровье свое во всем, в великом и малом. Помни, дорогая, что, сберегая себя, ты оберегаешь меня, который до последнего дыхания своего предан тебе и только тебе» ([Письмо Бейлина, 30.10.1941](#)).

«И вовсе я не старушка – это докажу тебе в первый же день нашего свидания. Негодный ты! За мной даже пробовал ухаживать один академик (военный инженер), причем он меня уверял, что нет ни одной верной женщины. А уезжая, ему пришлось сознаться, что таковая нашлась (в лице твоей “старушки”). Ну, это все глупости, и не ко времени» ([Письмо Н. Эпштейн, 10.02.1942](#)).

«Очень многие расстались со своими женами, но почему-то меньше всего об этом думают, и при всяком удобном случае стараются развлечься, где можно и с кем можно. Здесь, как когда-то на заводе, смеются надо мной, что я “женоненавистник” по отношению к другим женщинам и “однолюб” по отношению к своей жене. И действительно, так получается, что для меня не существует женщин на земле, кроме тебя. Как видно, ни время, ни расстояния, ни возраст не могут меня излечить от любви к тебе и от моего постоянства» ([Письма Ваила, 22.03.1942](#)).

«Ты пишешь, что “много девушек хороших” и, может, поэтому не хочется мне писать. Да, есть одна на самом деле хорошая девушка. У нее недавно погиб муж (тоже мой друг). Сама она изрешечена осколками, и живется ей очень тяжело. Я плачу тебе той же

наивностью и верой в тебя. Уверен, что наша наивность ничто иное, как форма адекватного, как говорят философы, восприятия действительности» (Письмо Лазюка, 1942).

«11 лет, как мы связали нашу совместную жизнь. Наша молодость прошла, мы с тобой прожили главное прекрасное время. А сейчас, дорогая мамка, мы старики. У нас уже детки взрослые, школьники. Время трудное нам попало. Вся наша жизнь очень тяжелая, и на нашу долю выпала война, да еще такая, которую мир не знал. Но это все пустяки. Нужно не падать духом, и как-то их переносить» (Письмо Горелика, 20.10.1943).

«Вся наша жизнь прошла во взаимном доверии, которое теперь уже не может стать меньшим. Много я за свою жизнь слышал разных мнений о женщинах, а в особенности – теперь. Причем, в большинстве случаев, я был свидетелем их подлых поступков, но все это обходит меня и тебя, и наша жизнь так и пройдет незапятнанной по отношению друг к другу» (Письмо Ваила, 6.11.1943).

«Милая дочурка, у меня к тебе просьба: 30 марта 20 лет как мы с мамой поженились. Ты по секрету от мамы сделай от меня и от себя ей какой-нибудь пустячный подарок. Важно, не что ты подаришь, но важно, чтобы подарить. Ладно? Ты уж что-нибудь придумай, чтобы отметить этот день. Я так тоскую по тебе и по маме. Мне хочется скорее к вам. Но, увы! Пока еще нельзя. Живы будем и отпразднуем на славу» (Письмо Н. Эпштейн, 4.03.1943).

«За все время разлуки никакой мужчина ко мне не прикоснулся, я ни о ком не думала, никому не старалась нравиться. Когда я смотрела в зеркало, я думала о тебе – я сама даже не замечала, как всякий раз приходила мысль: понравлюсь так Сергею? А когда я напеваю песенки, мне всегда кажется, что ты меня слушаешь» (Письмо Э. Канцедикас, 24.06.1944).

«У нас есть несколько девушек, все они, в основном, очень недалекие. Как-то была вечеринка, я сидел и наблюдал, и жутко, как было тоскливо видеть их испитые лица, усталые фигуры, натянутые улыбки, их было очень жалко, но не больше. Анализируя все это, ты можешь быть за меня и в этой части спокойна, приеду, расскажу подробно свои мысли на этот счет, а пока пора спать» (Письмо Абрамовича, 10.06.1944). «Для тебя главное не величина письма и не его философская суть. Главное для тебя в том, что я жив, что я люблю тебя, что жду встречи с тобой, что берегу себя для тебя. Это главное, и это удовлетворит тебя вполне» (Письмо Абрамовича, 20.08.1944).

«Сегодня весь день идет дождь, на душе тоскливо... Как хочется хорошей ласки, от всего сердца, тепла всего тела, а кто мне даст это, кроме тебя? Никто! Я никогда не захочу женщины только из-за юбки. Ты у меня не только ЖЕНА. Ты – мать моих детей, ты моя любовница, ты давала мне такие минуты, часы, ночи, которые забудутся только вместе с жизнью. Ничего другого я не хочу и не ищу. Я берегу себя для тебя, для будущего. Береги и ты себя. Береги детей. Целуй их за меня, целуй маму. А тебя я целую всю, всю, целую тебя, 20-летнюю, целую, как первую любовь» (Письмо Абрамовича, 3.09.1944).

«Поверь мне, что я за три года с девушками не встречался, меня никто не интересуется, я имею только одну, и больше мне никто и никогда не нужен. Мои товарищи просто удивляются моим поведением, почему я ни с кем не знакомлюсь. Я тебе пишу точно, как в самом деле. Отвечаю я им без затруднения, что я навсегда-навсегда занят, и ни с кем не буду знакомиться. Силы воли у меня, дорогая, достаточно не только три года ждать, а, если потребуются, и 10 лет, но, а все-таки своего добьемся. Прошу обо мне не беспокоиться, будь уверена во мне – не подведу тебя никогда. Со мной не может ничего случиться, потому что твоя любовь всегда со мной!» (Письмо Кунина, 7.08.1944).

«В одном из госпиталей, где я был не в качестве больного или раненого, я встретил одну свою бывшую студентку из медико-аналитического института. Ту самую, которая была в меня влюблена. Помнишь, она звонила ко мне домой и проявляла другие тенденции ухаживания? Несмотря на мою седину, она, видимо, не прочь продолжить “роман”. Ей богу, не пойму, почему я до сих пор девушкам нравлюсь. Я “позорно” сбежал от моей медички и, не приведи бог, встретиться с ней еще раз. Но как всегда в таких случаях, я чувствую прилив гордости, что вернусь к тебе кристально честным человеком» (Письмо Перлова, 1944).

«Пять месяцев, как я от тебя ничего не получал, я очень беспокоился, переживал. Мои товарищи поговаривали, мол, бросила тебя твоя Геня. Как раз это письмо разбило спор, я не ошибся, это много о чем говорит, это является доказательством того, что я уверен в тебе, моя дорогая, верю нашей любви, дружбе в нашей счастливой будущей жизни, которая очень близка» (Письмо Кунина, 2.08.1945).

Жена – товарищ по работе. Жены, матери и подруги, проводив своих мужчин на фронт, заменили их на рабочих местах в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, не только оставшись хранительницами семейного очага, заботливыми матерями и воспитателями детей, но и единомышленниками. Слова «жена-коммунист», «жена-большевик», «товарищ по работе» произносились в годы войны без тени иронии. Чаще всего они встречаются в письмах политработников, политруков, корреспондентов армейских газет, бывших учителей, преподавателей высших и средних специальных учреждений. Свою профессиональную лексику они, порой, использовали в переписке с домашними.

Многие жены и подруги, сознавая, что не увидят своих любимых еще долгие месяцы, а не исключено, что и годы, не будучи уверенными, что застанут их в живых до окончания войны, стремились попасть на фронт, презирав все опасности, включая риск смерти. Сохранились письма, в которых об этом говорится прямо – «поеду к тебе, несмотря ни на что и смерть не страшна» ([Письмо Н. Эпштейн, 1942](#)). С одной стороны, это говорило о большом чувстве. С другой стороны, что женщины в тылу не представляли себе военной обстановки и действительности фронтовой жизни, поскольку правдивые сведения в советских средствах массовой информации отсутствовали. В газетах и по радио сообщали главным образом о героизме защитников Родины и трудовых успехах тружеников тыла, которые подавались в пропагандистском духе. Кроме того, при полуголодном существовании в тылу, когда «все для фронта – все для победы», попасть в армию означало начать жить в относительно сносных материальных условиях. Однако главное, конечно, было оказаться рядом с любимым человеком, делить вместе горе и радости, идти вместе к победе. Вот иллюзии, которых не были лишены жены и подруги солдат и командиров. Большинству казалось, что одного желания достаточно, чтобы отправиться служить вместе с дорогим человеком. Но в условиях войны все выглядело иначе. Женщины, которые изъявляли желание добровольно вступить в Красную армию, после прохождения ускоренного курса обучения и получения воинской специальности, направлялись туда, где в них была нужда, а не туда, куда им хотелось, хотя были исключения из правила.

Принципиально другая ситуация возникла летом и осенью 1945 г., когда мужья-офицеры начали приглашать жен посетить их места дислокации в оккупационной зоне Германии и ее бывших сателлитов – странах Восточной и Центральной Европы ([Письмо Кунина, 27.10.1945](#)). «Дорогая! Мы с тобой не только семья, мы нечто большее. В тебе я находил духовную силу, родившую во мне творческие возможности. Вынужденная трагическая разлука еще больше сблизил нас. Условия жизни, борьбы, работы вызвали естественно еще большую необходимость ощущать тебя всегда рядом» ([Письмо Пинхасика, 22.03.1942](#)).

«Ты, дорогая, и не думай ко мне ехать. Нет! – еще что выдумала! Во-первых, можешь меня здесь не разыскать в связи с меняющимися часто адресами. Во-вторых, что ты будешь здесь делать? А в-третьих, если бы нашла себе здесь работу (допустим, что тебе ее дали), то тебе непосильны будут и походы, и все прочее. Нет, дорогая, и не думай сюда приезжать. Ты живи в Омске, жди меня, дорогая, лучше я к тебе приеду. Вот-вот, и скоро вернусь домой. Время быстро пройдет, не заметим его и снова будем вместе. Мне нетрудно пройти 30 км, ты это знаешь, а ведь тебе тоже пришлось бы идти вместе со всеми, остаться нельзя. Разве тебе под силу несколько дней идти? А в походах ведь так» ([Письмо Гузикова, 23.06.1942](#)).

«Дорогой мой! Устала. Кроме того, я много занимаюсь на курсах медсестер. Собираюсь через три месяца к тебе на фронт. Ты рад? Я не шучу», – писала Н.Я. Эпштейн (Должанская) мужу ([Письмо Н. Эпштейн, 1942](#)). А он отвечал ей: «Я очень огорчен. Неужели ты можешь решиться на то, чтобы подкинуть Рут чужим людям и оставить на произвол судьбы? Ведь не забывай – ей только 14 лет. Прямо жутко делается. Я тебя умоляю, сохрани нашу семью в целостности. Не поддавайся настроениям и, несмотря на все трудности, крепись. Знаю, что тебе очень тяжело. Тебя мобилизуют неизвестно куда, Рут у чужих людей, Зорик тоже далеко. Какие тебе мысли и мыслишки приходят в голову. Не дури, и “жди меня”¹, ведь твоя мама умела ждать. Образумься!» ([Письмо Я. Эпштейна, 9.08.1942](#)).

¹ Имеется в виду стихотворение К.М. Симонова «Жди меня», написанное в июле–августе 1941 г. и получившее широкую известность на фронте и в тылу.

«Я теперь знаю, что когда вернусь, то найду сильного товарища, которого можно крепко любить и уважать, с кем интересно и поспорить. Я, конечно, имею в виду споры, которые приносят пользу и радость. Посещай институт. Старайся читать, что очень полезно, расширяет кругозор и дает опыт. Переписываешься ли ты с комсомольцами, которые находятся в области [Куйбышевской – Л.С.]. Передавай им привет от меня» (Письмо С. Канцедикаса, 24.09.1942). «Ты мне глубоко нравишься как человек, как коммунист. О том, что как мужчина и как муж я уже не говорю. Каждый раз, когда хочется тебя похвалить в письме, я чувствую себя неловко, неохотно это делаю» (Письмо Э. Канцедикаса, 4.03.1945).

«Как бы я хотел, чтоб ты хоть на день очутилась возле меня, увидела, как я живу, работаю. Вызвать тебя невозможно по многим причинам, и поэтому ты приехать не сможешь. Я надеюсь, что все исполнится, пусть еще не так скоро. Береги себя, детей, а остальное устроится» (Письмо Абрамовича, 30.09.1944).

«Насчет вызова все будет хорошо, я уже подал требование. Климат очень хороший, тепло, ходим в одних гимнастерках, как у вас в июле. В общем, приедешь, будем жить хорошо. Брать с собой ничего не надо кроме платья и меховой жакетки. Езжай так: Смоленск – Брянск – Киев – Яссы – Бухарест – Крайова – Турну-Северин. В Брянске пересадка, нужно будет компостировать на киевский поезд, идет он одни сутки. В Киеве компостировать на Яссы, есть специальный поезд Киев – Яссы, если компостировать не удастся, компенсируй прямо проводнице 50 руб. В Яссах уже компостировать не надо, езжай на Бухарест. На станции есть наш комендант, скажешь, что ты жена майора. Я тебе ручаюсь, за 5–6 суток будешь у меня, но, конечно, осторожно все. Квартира моя прямо в городе, на хорошем месте, в магазинах все есть, в общем, ты тут походишь» (Письмо Кунина, 27.10.1945).

4. Выводы и результаты

Генштабисты и военные кадровики, готовившие мобилизацию женщин в армию, меньше всего задумывались над тем, какая судьба ожидает их в мужском коллективе. Десятки тысяч девушек и молодых женщин, влившихся в воинские подразделения, рассматривались в глазах военной канцелярии через призму колонки цифр, диаграмм и таблиц. Никто не принимал во внимание природу женщины и ее специфические потребности. Насколько она усвоит военный быт, будет чувствовать себя в армии комфортно, начиная с одежды (обмундирования) и кончая личной гигиеной. Образно говоря, для военной бухгалтерии женщины, мобилизованные в Красную армию, представляли собой формальную единицу без «вкуса, цвета и запаха». Женщины должны были сами приспособляться к постоянно меняющимся обстоятельствам в тяжелейших условиях фронтовой и походной жизни, и делать это на ходу. Однако в действительности все обстояло гораздо сложнее. Женщины, как и мужчины, не были бесполовыми существами. Это были живые люди со своими симпатиями и антипатиями, привычками и вкусами, наклонностями и способностями.

Понятно, что женщина всегда ищет себе пару (сознательно или интуитивно), в том числе в таких экстремальных обстоятельствах, как война. Мужчина, в силу своей природы, был открыт для воздействия женских чар, иногда даже против собственной воли. Отношения между полами требовали выхода, и время от времени как бурный поток это прорывало плотину формальных условностей (Устав строевой службы, армейские порядки и воинская дисциплина).

В армии все было относительно стабильно и устойчиво, пока в нее не впустили женщину. Мобилизация женщин в годы Великой Отечественной войны была первым массовым призывом в истории русской армии. Женщины и раньше служили в армии, в том числе в годы Первой мировой и Гражданской войн. Однако никогда их призыв не принимал таких масштабов. И поскольку это оказалось делом новым и срочным, то понятно, что при отсутствии опыта здесь оказалось много накладок, ошибок, просчетов и злоупотреблений (негласная сексуальная эксплуатация женщин). Сводить всю эту многосложную проблему только к нравственным отношениям не верно. Нельзя считать, что одни мужчины и женщины, одетые в военные мундиры, могли совладать со своими чувствами и инстинктами, а другие плыли по течению, отдавшись на волю обстоятельств.

На войне не все сводилось к флирту, игре в любовь, были и серьезные увлечения, «романы», разыгрывались любовные драмы. Да, существовала определенная категория женщин, которая стремилась извлечь максимум выгоды из своего положения. Принцип «на всех не хватит» повергал в уныние одних мужчин, и приводил в бешенство других, которые должны были контролировать себя, скрывать свои чувства и эмоции.

Понятно, что женским вниманием, расположением, симпатией и телом пользовались, прежде всего, командиры и начальники, летчики и шоферы. Они могли предложить женщинам подарки, внимание, опеку или защиту от остального мужского общества, которое проявляло свое внимание излишне навязчиво. Речь не шла о падении нравов, массовом сожигательстве, скрытой проституции, торговле человеческим телом. Однако игнорировать проблему женщины, за которой оставался выбор, хотела что-то получить от мужчин за свое внимание, тоже нельзя. Это будет также не верно, как огульно осуждать всех женщин.

После окончания войны началась массовая демобилизация Красной армии, и тысячи женщин возвратились на родину, сменили гимнастерки и шинели на гражданское платье. Они неожиданно для себя столкнулись с репутацией, которую им создала молва, объявившая всех женщин, побывавших в армии, падшими. Молва мазала всех одной краской, ставила на одну доску, объявляя ППЖ, «трофейными» или «фронтowymi девушками».

Эта была скрытая месть тех, кто остался в тылу, не захотел, не смог или побоялся пойти в Красную армию. Им нечего было противопоставить подругам, которые, презрев опасность, пошли на фронт, выдержали все испытания, уцелели и вернулись домой с грудью, украшенной орденами и медалями. Их вклад в победу был реальным.

Другую категорию хулителей женщин-фронтовичек представляли обманутые жены и не дождавшиеся своих ухажеров незамужние девушки. Испытывая муки ревности, они искали объяснение (себе и другим), почему их мужья и женихи предпочли их женщинам-военнослужащим. Почему их мужчины, пусть на время службы в армии (от нескольких месяцев до нескольких лет), связали свою жизнь с фронтовичками.

Третий фактор, который создал негативную репутацию женщинам, сражавшимся в рядах Красной армии, были солдаты и офицеры, которые не добились взаимности у женщин-фронтовичек. Женщины предпочли их другим, и этим глубоко уязвили, нанеся непоправимую обиду. Именно эти люди превратились в главных распространителей слухов о том, что ВСЕ женщины, надевшие военную форму, стали падшими, жадными и продажными.

Еще одна категория женщин-военнослужащих, имевших на фронте гражданский брак со своими избранниками, остались вдовами, неофициальные мужья которых не дожили до победы. Их надежды на семейное счастье не сбылись, они были разочарованы, и не знали, как сложится после этого послевоенная судьба.

Так или иначе, но сложный клубок взаимоотношений мужчины и женщины на войне вовсе не исчерпывался отдельными любовными историями и приключениями. Вклад женщин-фронтовичек в победу над врагом неизмеримо выше этих рассказов и интрижек, которые случались на войне. Они гибли от пуль, снарядов и бомб, горели в самолетах, как мужчины. Точно также как мужчины были ранены и становились калеками без рук и ног. Некоторые из них, пройдя фронт, выдержав все испытания, потеряли дар материнства, не смогли создать семьи. Проблема взаимоотношений полов официально в Советском Союзе так и не была предана огласке все послевоенные годы, не получила достойного отображения в научной, исторической, художественной, публицистической литературе. Письма и военные дневники 1941–1945 гг. позволяют прийти именно к такому выводу, чтобы потом не рассказывали, не придумывали и не дополняли участники войны после победы. Женщинам было намного тяжелее, поскольку ни психика, ни их организм не были приспособлены к тому, чтобы участвовать в сражениях. Женщина по своей природе должна рожать, воспитывать, учить, спасать, но не убивать, как это требуется на войне. Большинство женщин разделили все тяготы фронтовой обстановки, вынесли бремя войны наравне с мужчинами. Самая большая заслуга женщин в армии за годы войны состояла в том, что своим присутствием они позволяли мужчинам чувствовать собственную силу, быть мужественными, выполнять свой долг, воевать и побеждать.

Литература

Дневник Лейзерова – Дневник Аркадия Тевелича Лейзерова // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Дневник Лютых – Дневник Петра Денисовича Лютых // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Записная книжка Гуревича – Записная книжка Мули Захарьевича (Залмановича) Гуревича // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 27: Кожные и венерические болезни (предупреждение и лечение). М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1951. 217 с.

Письмо Абрамовича – Письма Михаила Соломоновича Абрамовича жене Евгении Яковлевне Абрамович // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Б. Левитан – Письмо Баси Эммануиловны Левитан Семену (Симе) Залмановичу Левитану // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Бейлина – Письма Наума Бейлина жене Гите Чарной // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Ваила – Письма Менаше Берковича Ваила жене Бэле Шлемовне Ваил-Новак // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Ваил-Новак – Письма Бэлы Шлемовны Ваил-Новак мужу Менаше Берковичу Ваилу // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Горелика – Письмо Мордехая Абрамовича Горелика жене Фаине Анисимовне Горелик // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Гузикова – Письма Наума Иосифовича Гузикова жене Асе Исаевне Гузиковой // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Клохтина – Письма Евгения Клохтина Лие Соломоновне Левитан // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Кунина – Письма Наума Кунина Гене Кобриной // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Куфаевой – Письма Веры Куфаевой родителям // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Л. Левитан С. Левитану – Письмо Лии Соломоновны Левитан Семену (Симе) Залмановичу Левитану // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Л. Левитан Б. Левитан – Письмо Лии Соломоновны Левитан Басе Эммануиловне Левитан // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Лазюка – Письма Николая Демьяновича Лазюка жене Фаине Владимировне Лазюк // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Латышевой – Письмо Ольги Федоровны Латышевой Николаю Павловичу Лобану // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Лобана – Письма Николая Павловича Лобана Ольге Федоровне Латышевой // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Лукашевской – Письма Полины Иосифовны Лукашевской Александру Шойловичу Черному // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Н. Эпштейн – Письма Нины Яковлевны Эпштейн (Должанской) мужу Якову Абрамовичу Эпштейну // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Олешева – Письмо Александра Григорьевича Олешева Надежде Алексеевне (фамилия не установлена) // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Перлова – Письмо Израиля Самуиловича Перлова жене Суламифи Лазаревне Вулих // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Пинхасика – Письмо Давида Шлемовича Пинхасика жене Марии Михайловне Вагановой // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Поляка – Письмо Дмитрия Поляка родителям // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо С. Канцедикаса – Письма Соломона Мейлоховича Канцедикаса жене Элишеве Яковлевне Канцедикас // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Скульского – Письма Якова Моисеевича Скульского жене Гене (Гитл) Копелевне Брехман // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Тельжинского – Письма Николая (Ноаха) Тельжинского жене Эмме Хаимовне // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Фруг – Письма Инны Львовны Фруг матери Екатерине Осиповне Маневич // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Э. Канцедикас – Письма Элишевы Яковлевны Канцедикас мужу Соломону Мейлоховичу Канцедикасу // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Письмо Я. Эпштейна – Письма Якова Абрамовича Эпштейна жене Нине Яковлевне Эпштейн (Должанской) // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

Смиловицкий, 2016 – *Смиловицкий Л.* Из опыта пережитого. Воспоминания. Иерусалим: [Б.и.], 2016. 191 с.

Smilovitsky, 2014 – *Smilovitsky L.L.* Soviet Jews write to the Red Army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University // *Русский архив.* 2014. Т. 6. № 4. С. 236–252.

Smilovitsky, 2017 – *Smilovitsky L.L.* Love in war. Women and Men in the Red Army (On Pages of Letters and Diaries of Soviet Jews of 1941–1945). Part 1 // *Русская старина.* 2017. № 2. С. 173–185.

References

Dnevnik Lejzerova – Diary of Arkadiy Tevelich Leyzerov // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Dnevnik Lyutykh – Diary of Petr Denisovich Lyutykh // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Zapisnaya knizhka Gurevicha – Notebook of Mulya Zakhar'evich Gurevich // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Opyt sovetskoy meditsiny v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg., 1951 – Opyt sovetskoy meditsiny v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. [The Experience of Soviet

medicine in the Great Patriotic War 1941–1945]. Vol. 27: Kozhnyye i venericheskiye bolezni (preduprezhdeniye i lecheniye) [Skin and venereal diseases (prevention and treatment)]. Moscow: State Publishers of Medical Literature, 1951. 217 p.

Pis'mo Abramovicha – Letters from Mikhail Solomonovich Abramovich to his wife Evgenia Yakovlevna Abramovich // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo B. Levitan – Letter from Basya Emmanuilovna Levitan to Semen (Sima) Zalmanovich Levitan // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Beylina – Letters from Naum Beylin to his wife Gita Chernaya // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Vaila – Letters from Menashe Berkovich Vail to his wife Bela Shlemovna Vail-Novak // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Vail-Novak – Letters from Bela Shlemovna Vail-Novak to her husband Menashe Berkovich Vail // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Gorelika – Letter from Mordekhai Abramovich Gorelik to his wife Faina Anisimovna Gorelik // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Guzikova – Letter from Naum Iosifovich Guzikov to his wife Asya Isaevna Guzikova // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Klokhtina – Letters from Evgeniy Klokhtin to Liya Solomonovna Levitan // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Kunina – Letters from Naum Kunin to Genya Kobrina // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Kufaevoy – Letters from Vera Kufaeva to her parents // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo L. Levitan S. Levitanu – Letter from Liya Solomonovna Levitan to Semen (Sima) Zalmanovich Levitan // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo L. Levitan B. Levitan – Letter from Liya Solomonovna Levitan to Basya Emmanuilovna Levitan // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Lazyuka – Letters from Nikolay Dem'yanovich Lazyuk to his wife Faina Vladimirovna Lazyuk // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Latyshevoy – Letter from Ol'ga Fedorovna Latysheva to Nikolay Pavlovich Loban // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Lobana – Letters from Nikolay Pavlovich Loban to Ol'ga Fedorovna Latysheva // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Lukashevskoy – Letters from Polina Iosifovna Lukashevskaya to Aleksandr Shoylovich Chernyy // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo N. Epshteyn – Letters from Nina Yakovlevna Epshteyn (Dolzhanskaya) to her husband Yakov Abramovich Epshteyn // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Olesheva – Letter from Aleksandr Grigor'evich Oleshev to Nadezhda Alekseevna (surname not established) // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Perlova – Letter from Izrail' Samuilovich Perlov to his wife Sulamif' Lazarevna Vulikh // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Pinkhasika – Letter from David Shlemovich Pinkhasik to his wife Mariya Mikhaylovna Vaganova // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Polyaka – Letter from Dmitriy Polyak to his parents // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo S. Kantsedikasa – Letter from Solomon Meylokhovich Kantsedikas to his wife Elisheva Yakovlevna Kantsedikas // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Skul'skogo – Letters from Yakov Moiseevich Skul'skiy to his wife Genya (Gitl) Kopelevna Brokhman // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Tel'zhinskogo – Letters from Nikolay (Noakh) Tel'zhinskiy to his wife Emma Khaimovna // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Frug – Letters from Inna L'vovna Frug to her mother Ekaterina Osipovna Manevich // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo E. Kantsedikas – Letters from Elisheva Yakovlevna Kantsedikas to her husband Solomon Meylokhovich Kantsedikas // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Pis'mo Y. Epshteyna – Letters from Yakov Abramovich Epshteyn to his wife Nina Yakovlevna Epshteyn (Dolzhanskaya) // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian]

Smilovitskiy, 2016 – *Smilovitskiy L.* (2016) *Iz opyta perezhitogo. Vospominaniya* [From the experience of the bygone. Memories]. Ierusalim: [s.n.]. 191 p. [in Russian]

Smilovitskiy, 2014 – *Smilovitskiy L.* (2014). *Soviet Jews write to the Red Army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University // Russkiy arkhiv. Vol. 6. № 4. pp. 236–252* [in Russian]

Smilovitsky, 2017 – *Smilovitsky L.* (2017) Love in war. Women and Men in the Red Army (On Pages of Letters and Diaries of Soviet Jews of 1941–1945). Part 1 // *Russkaya starina*. № 2. pp. 173–185 [in Russian]

Любовь на войне. Женщины и мужчины в Красной армии (по страницам писем и дневников советских евреев 1941–1945 гг.). Часть 2

Леонид Львович Смиловицкий^{а, *}

^а Центр диаспоры при Тель-Авивском университете им. Гольдштейна-Горена, Израиль

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме роли женщин-военнослужащих в Красной армии войны и их положению в мужском коллективе. Из 800 тыс. женщин в Советском Союзе, участвовавших в войне, большинство не только заменили солдат-мужчин, который уходили на передовую, но и сами участвовали в боях. Автор ищет ответ на вопрос о месте женщины-солдата на войне, которая по своей природе должна рожать, воспитывать, учить, спасать, но не убивать, как это требуется на войне. Тем не менее, большинство женщин разделили все тяготы фронтовой обстановки, вынесли бремя войны наравне с мужчинами. Они гибли от пуль, снарядов и бомб, горели в самолетах, были ранены и становились калеками без рук и ног. Некоторые из них, выдержав все испытания, потеряли дар материнства, не смогли создать семьи. Автор приходит к выводу о том, что самая большая заслуга женщин в армии за годы войны состояла в том, что своим присутствием они позволяли мужчинам чувствовать собственную силу, быть мужественными, выполнять свой долг, воевать и побеждать. Материалом для написания статьи послужили письма и дневники советских евреев, солдат и командиров Красной армии, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в самое последнее время (2012–2017) и впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: военно-полевая почта, Великая Отечественная война, евреи в Красной армии, мужчины и женщины на войне, любовь и война, вклад женщин в разгром нацистской Германии, патриотизм, женская честь, романтическая переписка, ревность, измена, супружеская верность.

* Корреспондирующий автор
Адрес электронной почты: smilov@zahav.net.il (Л.Л. Смиловицкий)